

ЕВГЕНИЙ
ФЕДОРОВСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС «АЛЬБАТРОСА»
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Евгений Петрович Федоровский

Последний рейс «Альбатроса»

Серия «Тайный фронт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74614346

Последний рейс «Альбатроса» / Е. П. Федоровский: Родина; Москва;

2026

ISBN 978-5-00269-249-1

Аннотация

Евгений Петрович Федоровский (1933–2011) – легчик, путешественник, писатель, киносценарист, мастер приключенческого жанра. Среди его работ – такие кинофильмы, как «Последний дюйм», «Торпедоносцы», «Дважды рожденный».

Советской разведке удалось внедрить своего агента с кодовым именем «Март» в одно из элитных подразделений Военно-воздушных сил Германии. Главной задачей разведчика стало противодействие запуску в серийное производство опытного образца реактивного самолёта. Мы окунаемся в атмосферу интриг, характерную для гитлеровской Германии военного времени. Разведчика окружают опасные и хитроумные противники. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. По мотивам романа снят популярный многосерийный телефильм. Классика советского детектива заинтересует всех поклонников жанра.

Содержание

Пролог	7
Глава первая. Накануне эры	13
Глава вторая. Асы начинают войну	38
Глава третья. Крещенные огнем	61
Глава четвертая. Прекрасная Эрика и Рюбецаль	85
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Евгений Федоровский

Последний рейс

«Альбатроса»

© Федоровский Е. П., правопреемники, 2026.

© ООО «Издательство Родина», 2026.

Пролог

По кремнистой дороге Кастилии шел военный грузовик с германскими летчиками. Они возвращались из Валенсии, где проводили краткосрочный отпуск.

Бодрые, загорелые, молодые, они орали «Милую пташку» и неохотно прервали песню, когда увидели на дороге молодого человека с поднятой рукой. Шофер затормозил. У парня была типичная физиономия северянина – белобрысый, светлоглазый, с конопушками на тонком, прямом носу. Он был одет в полувоенный френч, солдатские брюки. За спиной болтался ранец из рыжей телячьей шкуры, какие носят баварские горные стрелки.

Узнав соотечественника, летчики ухватили его за руки и легко втянули к себе в кузов. Оказалось, молодой человек ехал в ту же часть к Мельдерсу Мельдерс Вернер – командир соединения истребителей, действовавших в составе фашистского легиона «Кондор» в период гражданской войны в Испании в 1936–1939 годах, куда направлялись и летчики.

Дымящийся от зноя аэродром был почти пуст. Истребители ушли на задание. Солдаты – марокканцы из аэродромной охраны на раскаленных камнях пекли просяные лепешки и лениво отгоняли больших зеленых мух. Чуть поодаль у бочек с водой толпились техники. Они охлаждали воду, бросая в бочку заиндевелые баллоны со сжатым воздухом. Ес-

ли кто-нибудь опускался в воду, то сразу выскакивал, будто ошпаренный кипятком.

Новичок подошел к длинному морщинистому механику, который отчаянно растирал полотенцем рыжую грудь. Механику было лет под сорок. Чем-то он напоминал Жана Габена, уже завоевывающего славу на экранах Европы.

Очевидно, новичок заинтересовал механика.

– Примите душ, вода холодная, как в Шпрее, – посоветовал он. – Вы сразу почувствуете себя ангелом.

Новичок покачал головой.

– Вы к нам?

– Да. Направлен после школы Лилиенталя.

– О, туда попадал далеко не каждый! – механик присвистнул и оценивающе оглядел молодого человека. – Я знал кое-кого из школы Лилиенталя: все сынки богатых папаш, что с толстыми кошельками.

– Мои родители погибли на пароходе «Витторио», когдаплыли в Америку.

– В двадцать восьмом?

– Вы слышали о катастрофе?

– Как же! Об этом писали все газеты. Они были коммивояжеры?

– Нет. Искатели счастья.

Механик помолчал, думая о чем-то своем, а потом глуховато проговорил:

– Тогда многие искали счастья...

Механик подал жилистую руку:

– Меня зовут Карл Гехорсман...

– Пауль Пихт.

– Вы были у Коссовски?

– Я только что приехал.

– Начальник секретной службы. Когда нет командира, то заменяет его. Вон его палатка...

Подойдя к пятнистой камуфлированной палатке, молодой человек откинул полог и вытянулся перед рослым, средних лет капитаном, у которого вдоль виска до скулы алел глубокий шрам. Коссовски изнывал от жары, его тонкая бязевая рубашка потемнела от пота.

Парень положил на раскладной столик свои документы и спросил:

– Надо полагать, вам обо мне сообщили?

Коссовски промолчал. Он долго рассматривал документы и наконец откинулся на спинку стула. Его зеленоватые, глубоко посаженные глаза впились в лицо прибывшего:

– Рекомендации у вас веские... Но почему вы захотели попасть именно в Испанию?

– Хочется узнать, на что я способен, господин Коссовски.

– Понимаю. А вот как вы в семнадцать лет научились летать на боевых самолетах, не понимаю.

– Когда у вас в кармане ни пфеннига, и никого не осталось дома, и вы в какой-то дыре в Швеции...

– Там вы стали личным механиком генерала Удета?

– Да. Он и ввел меня в школу Лилиентала.

– Почему же вы не остались с Удетом?

– Хочу заработать офицерское звание на фронте!

– Прекрасный ответ, – суховато проговорил Коссовски.

Он снова уткнулся в документы. Повертел в руках диплом об окончании летной школы. Он не привык доверять первому впечатлению.

– Двадцать два года... – в раздумье проговорил он и вдруг резко опустил руку с дипломом на столик, отчего тот жалобно пискнул. – Идите. Я подумаю о вашем назначении.

Коссовски встал, пропустил новичка вперед и тоже вышел из палатки. На аэродром возвращались истребители. Они показались из-за невысоких холмов.

Шли вразброд. Двукрылые «хейнкели», похожие на майских жуков. Разгоняясь на планировании, они заходили на посадку и, приземляясь, делали «козла».

– Пилоты измотаны боем, – проговорил новичок.

– Такое и вам предстоит, – усмехнулся Коссовски.

– Благодарю вас, господин Коссовски. Ни о чем так не мечтаю, как побывать в настоящем деле.

Один из истребителей с дымящимся мотором косо промчался по аэродрому, сбил крылом пустую бочку из-под бензина, развернулся, взвихрив пыль, и замер. Техники бросились к самолету. Пилот поднял на лоб разбитые очки, растегнул привязные ремни, попытался встать, но не смог.

Гехореман, растолкав остальных, вытащил его из кабины:

– Опять вы лезли в самое пекло!

– Красные ощипали меня, как гуся, – вяло пробормотал пилот, стягивая шлем с большой мокрой головы.

Толпа окружила его, но, когда подошел Коссовски, техники расступились.

– Что случилось, Альберт? – спросил Коссовски.

– У красных тоже появились бипланы. Мы сначала думали, что это макаронники на своих «фиатах», а это были республиканцы. Хватились, но поздно. Задали они нам головоломку. Едва ноги унесли.

– Вы родились в сорочке, – проговорил новичок, рассматривая пробоины.

Летчик оглянулся и вдруг раскинул руки:

– Пауль! Глазам своим не верю! Откуда ты?

Новичок и пилот стиснули друг друга в объятиях.

– Вы знакомы, Альберт? – удивился Коссовски.

– Еще со Швеции, Зигфрид! – ответил летчик радостно. – Дети рейха собираются вместе!..

Последний рейс
«Альбатроса»

Глава первая. Накануне эры

В марте 1939 года была решена судьба Испанской республики. На Пиренеях воцарился Франко. Все приличные люди разъехались по курортам. Модным считалось Средиземное море. О политике уже не говорили. Политика приелась.

Фашисты? Геринг на яхте плывет по Рейну. Гейдрих фехтует в Антверпене.

Гиммлер собирает астрологов... Светские люди. Тишина. Душно. Респектабельная Европа купалась, томилась, лелеяла равновесие.

Но свастика напрягала щупальца. Фашизм ковал цепи для глобуса. Готовились к новым войнам фельдмаршалы и фельдфебели, фюреры и гаулейтеры, банкиры, промышленники, инженеры...

В солнечный и тихий день 30 июня 1939 года над бетонной полосой испытательного аэродрома в Ростове пронесся с необычным свистом маленький самолетик. Он только взлетел и сразу пошел на посадку. Свист как будто захлебнулся. Кончилось топливо.

Из тесной кабины выбрался летчик, сорвал с головы шлем и ударил им по фюзеляжу.

– Я жив! – закричал он подбегающим техникам и механикам.

Тут же по полевому телефону набрали номер главного конструктора.

Хейнкель схватил трубку:

– Ну как, Варзиц?

– Я рад сообщить вам, доктор, что ваш «сто семьдесят шестой» впервые в мире совершил ракетный полет!

– Как вы себя чувствуете?

– Я жив, жив!

– Сколько вы продержались, Варзиц?

– Пятьдесят секунд.

– Я немедленно сообщаю в Берлин, Варзиц. Приготовьте самолет к двум часам.

Хейнкель быстро связался с отделом вооружений министерства авиации и попросил соединить его с генерал-директором люфтваффе, старым своим другом Эрнстом Удетом.

– Дорогой генерал! – воскликнул он, услышав в трубке ворчливый голос Удета. – Я поднял свой «сто семьдесят шестой» в воздух! Очень прошу вас сегодня же посмотреть на него в небе.

– Зачем спешить, доктор? – спросил Удет недовольно, но тут знаменитый пилот, очевидно, понял нетерпение Хейнкеля и, помолчав с минуту, бросил. – Ладно. Ждите.

Во второй половине дня Варзиц еще раз поднял свой маленький самолетик.

Машина с короткими, будто срезанными крыльями, на маленьких, как у детской коляски, шасси взвыла так оглу-

шительно, что механики зажали уши. Огнедышащей ракетой «Хе-176» пронесся по аэродрому и взмыл вверх.

Эрнст Хейнкель, владелец и главный конструктор всемирно известной фирмы «Эрнст Хейнкель АГ», не мог скрыть своего торжества. Его реактивное детище – первое в Германии – увидело наконец небо. Он был настолько захлестнут ощущением удачи, что не заметил настроения Эрнста Удета.

Удет, хмурясь, слушал Хейнкеля и позевывал. Прославленный ас Первой мировой войны уважал доктора и обычно подолгу беседовал с ним о разных авиационных проблемах. Но на этот раз он, ведающий новым вооружением люфтваффе и теснейшим образом связанный с авиапромышленниками, не хотел понять Хейнкеля, который расхвастался этим маленьким, ужасно свистящим попрыгунчиком.

Было жарко и душно. Удет изнемогал. На крепких, коротких ногах он прошелся по полосе и оглянулся на Хейнкеля. Но Хейнкель, сверкая единственным глазом, любовался полетом своего самолета. Своего. А Удет отвечал перед Герингом за оснащение всего военно-воздушного флота, и для него одного рейхсмаршал придумал и форму, и редкостный чин – генерал-директор люфтваффе.

И Удет не мог, как Эрнст Хейнкель, восторгаться этим крошечным недоноском, пусть хоть и с реактивным двигателем.

– И это все? – спросил он, когда самолетик пронесся мимо них, отчаянно тормозя.

Хейнкель с удивлением уставился на Удета. Его большой, вислый нос начал багроветь, задергалось веко кривого глаза.

– Право, доктор, вы настоящий энтузиаст, – Удет положил руку на плечо конструктора. – Но, боюсь, меня эти прыжки – вы не обижайтесь, если я назову их лягушачьими, – не привели в восторг. Впрочем, поздравьте Варзица. Он – храбрец.

– Разве вы не хотите поздравить его лично?.. Он был бы счастлив, – пробормотал Хейнкель.

– Простите, доктор. Я слишком долго ждал, когда же наконец ваш лягушонок оторвется от земли. Я спешу. До свидания.

Хейнкель неумело вскинул руку в нацистском приветствии, как обиженный ребенок, посмотрел вслед квадратной генеральской спине, резко повернулся и, подталкиваемый сухим горячим ветром заработавших винтов, по-старчески засеменял к дождавшемуся поодаль Варзицу.

– Эти люди не заметят и божественного перста истории, – проговорил он, и Варзиц расценил эту фразу как невольно вырвавшееся извинение.

И хотя Хейнкель мог не извиняться перед собственным летчиком – испытателем этой заранее придуманной фразой, он действительно оправдывался, что не сумел объяснить Удету невероятность происшедшего.

– Все же сегодня великий день, доктор, – сказал Варзиц. Летчик был взволнован неожиданным доверием Хейнкеля. Эта вспышка откровенности значила для него больше,

чем само участие в решающем испытании реактивного самолета. Она заслонила собой и напряжение страшного пятидесятисекундного полета, и фантастичность перспектив, открывшихся ему там, наверху.

Но Хейнкель уже понял, что в раздражении сказал ненужную, очевидно, опасную фразу.

– Я уверен, Варзиц, ОН нас поймет, – напыжившись, проговорил Хейнкель, – и ОН оценит наши усилия. Так что будем работать дальше.

Хейнкель, хотя и был уже стар, не утратил энергии. Не раз жизнь ставила его в отчаянные положения, но милостивая судьба спасала от банкротства, как это произошло в страшную инфляцию после Первой мировой войны и в кризис тридцатых годов. В первый раз выручил Хейнкеля богатый поклонник авиации, во второй – советский заказ на изобретенные им катапульты и летающие лодки.

Три года назад конструктор создал двухмоторный «Хейнкель-111». Машина стала основным бомбардировщиком люфтваффе, оправдала себя в Испании. Но тут престарелого конструктора увлекла работа над реактивным истребителем. Он сделал две модели – «Хе-176» и «Хе-178». Первый истребитель – «Хейнкель-176» – он и демонстрировал генерал-директору Удету.

Однако генерал сегодня не понял Хейнкеля.

– Ну что ж, мы еще посмотрим, кто кого, – погрозил Хейнкель генеральскому самолету, уходящему в знойную дымку

июньского дня.

В это время Удет, не заглянув, как обычно, в пилотскую «Зибеля», прошел в задний отсек, отделанный под «походный бар».

– Пусть штурвал берет второй, а ты приготовь мне бренди, – сказал он шеф-пилоту Паулю Пихту.

Ледяное бренди вернуло генералу утраченную бодрость. Раздражение исчезло. К тому же самолет взлетел, а в воздухе Удет всегда чувствовал себя лучше.

– Ты видел эту лягушку, Пауль?

– Видел, господин генерал, – ответил адъютант.

– Недоносок без пропеллера. Дурацкая работа. Еще бренди, Пауль!

Огладив любовным взглядом пятиярусную батарею бутылок, самую полную, как утверждали знатоки, коллекцию бренди в мире, Удет снова с тоскливой горечью подумал: никогда, нет, никогда не вкусить ему сполна всю крепость напитка, заключенного в этих бутылках. С тех пор как он перестал летать, опьянение приходило к нему тусклым, земным.

Удет взглянул на адъютанта. Тот сосредоточенно готовил новую смесь из бренди и лимонного сока.

Прямого, иногда даже грубоватого генерала устраивал этот молодой человек – умный, расторопный, преданный. С ним Удета свела судьба в Швеции. Пихт хотел добыть офицерский чин в бою, и Удету пришлось согласиться с его просьбой – послать в Испанию, хотя серебряные пого-

ны адъютанту Удета были обеспечены и без этого риска. Но Удет сам был таким же отчаянным и не любил покровительства. Разумеется, Пихта испытывали в разных учреждениях, Пихта проверяли. Генерал-полковнику, впоследствии генерал-директору люфтваффе, заместителю самого Геринга, полагался шеф-пилот и адъютант с более высоким чином и положением, но Удет умел ценить и храбрость, и преданность, и ту особую любовь к авиации, которая сроднила их обоих – старого и молодого.

– А ты что скажешь, Пауль? – спросил Удет, принимая от Пихта новый стакан.

– Что вас интересует, господин генерал?

– Брось ты этот официальный тон, чинуша несчастный! «Господин генерал, господин генерал»! А что у генерала на душе, ты-то знаешь, господин адъютант? Молчишь! А ведь ты меня помнишь другим, Пауль. Ты помнишь, как обнимал меня Линдберг? Ты видел, как надулся этот старый попугай Хейнкель, когда я сел в Италии, установив новый мировой рекорд на его дурацкой машине!

Ведь это было в прошлом году, Пауль! В прошлом году!

Да, в прошлом году Хейнкель построил новый истребитель «Хе-100». Это была аэродинамичная и маневренная машина. По скорости она превосходила хваленый «Мессершмитт-109». Хейнкель рассчитал машину на двигатель с водяным охлаждением, но отказался от радиаторов нормального типа. Охлаждающая жидкость проходила через слож-

ную систему устройств, расположенных в двойной обшивке крыльев. Удет промчался на «Хе-100» с невиданной скоростью, но сразу после полета высказал конструктору свое мнение со всей прямоотой: «Эта капризная белоручка на фронте летать не будет. Если ослабнут одна – две заклепки в крыльях или, не дай бог, пуля прошьет крыло, то жидкость испарится и двигатель выйдет из строя. Самолет будет обречен». С тех пор между Удетом и Хейнкелем, как говорится, пробежала кошка.

Слушая хвастливые жалобы Удета, Пауль Пихт привычно подумал о том, что вовсе не нужно особой проницательности, чтобы разглядеть смятенную душу генерал-директора.

Для многих коллег Удета его неожиданное возвышение казалось трудно объяснимым капризом Геринга. Не поддался же в самом деле «Железный Герман» сентиментальной привязанности к старому однокашнику еще с Первой мировой войны по эскадрилье Рихтгофена? Деловые качества? Но Удет совсем не похож на дирижера величайшего авиапромышленного оркестра, призванного прославить могущественный, военно-воздушный флот Германии.

Нет, не Удет нужен был Герингу. Только его имя, имя национального героя Германии, всемирно известного воздушного аса. Удет – хорошая реклама для немецкой авиации. Удет – удобный, проверенный посредник между новым руководством люфтваффе и авиапромышленниками. Удет, наконец, послушный исполнитель воли и замыслов Герин-

га. «Железный Герман» не погнушался использовать его и как «противовес» хитрому, пронырливому, иногда чрезмерно энергичному Мильху – второму своему заместителю, генерал-инспектору люфтваффе.

Удет, разумеется, уже осознал и покорно принял уготованную ему роль. Отказаться от нее он мог, лишь признавшись в измене нацизму. Но, как виделось Пихту, его начальник не очень страдал от иллюзорности нынешней своей власти. Его бесило расставание со своей прежней артистической властью над толпой. «Акробат воздуха» не привык, чтобы боялись его, он привык, чтобы боялись за него. Он властвовал над людьми, рождая у них страх за себя, царил, рисуясь бесстрашием, снисходя к филистерскому обожанию. Категорический приказ Геринга, запрещающий ему самому испытывать новые модели и участвовать в спортивных полетах, застал Удета врасплох. Он почти физически ощутил, как ему опалили крылья.

Удет припомнил добродушное сияние на широком лице Геринга. Руки толстяка были сцеплены на животе, а большие пальцы, как пулеметы, выставлены вперед.

«Я ничего не понимаю в производстве больших самолетов, Герман, – сказал Удет. – Это дело не по мне. Лучше отказать сейчас...»

Большие пальцы выстрелили. Геринг встал, укоризна раздула его щеки.

«Не беда, Эрнст. Положись на людей. Нам нужны твой

идеи. Это – главное!...»

– Люди, идеи... – проворчал Удет, вспомнив этот эпизод, и вдруг в упор, как будто впервые, посмотрел на своего адъютанта. – О чем ты думаешь, Пауль?

– О Стокгольме, господин генерал, о ваших гастролях...

...Стокгольм в конце двадцатых годов был европейской ярмаркой, европейским перекрестком. Сюда съезжались из голодной Европы злые, предприимчивые и азартные юнцы. Юный Пауль Пихт стоял в толпе, задрав голову. А в небе носился белый самолетик.

Самолет разворачивался так низко, что крылом касался травы. На траве лежал женский головной платок. Крючок на конце крыла цеплял красный шелк и уносил его ввысь. И вот уже, подхваченный ветром, он спускался к толпе из поднебесья. Тысячи рук тянулись к платку. Тысячи глоток вопили: «Удет, Удет!...»

– В Стокгольме я понял, что должен летать, – задумчиво проговорил Пихт.

– Да, Стокгольм... – довольно улыбнулся Удет. – Оглушительный успех. Я был отличным летчиком, Пауль!

– Германия вами гордится, господин генерал.

– Германия не дает мне летать!

– Вы должны ценить заботу рейхсмаршала...

– Да, да, Пауль, я был сердечно тронут. Герман проявил истинно братские чувства...

– Вы нужны рейху, генерал. Ваш опыт...

– Мой опыт? – взорвался Удет. – Что толку в моем опыте, если я не могу взять в руки штурвал? Ты видел этого мальчишку Варзица, Пауль? Зеленый трусливый сопляк! Он вылез из кабины белый, как мельничная мышь. Но как он смотрел на меня! Как на инвалида, Пауль, как на последнего жалкого инвалида! Налей мне двойную!

Разливая бренди, Пихт невольно представил себе элегантного, широкоплечего Удета, вылезающего из «Хейнкеля-176». Да, будь сегодня на месте Варзица Удет, обстановка на аэродроме была бы иной. «Король скорости» сразу бы оценил удивительные возможности реактивного двигателя. Теперь же Удет увидел в затее Хейнкеля лишь грубое посягательство на те устои воздухоплавания, которые были освящены им самим.

– А как тебе понравилась эта прыгающая лягушка, эта скорлупа с крылышками, а, Пауль? Доктор носит ее с ней, как будто и в самом деле снес золотое яйцо.

– Вы хотите услышать мое неофициальное мнение, господин генерал?

– Я хочу знать твое мнение, Пауль, и катись ты еще раз к черту со своей официальнойностью!

– Я очень уважаю заслуги доктора Хейнкеля перед немецкой авиацией, но считаю, что в данном случае ему изменило чувство ответственности перед немецким народом. «Хейнкель-176» – машина несерьезная. Мне бы не хотелось так думать, мой генерал, но, видно, у доктора рыльце в пушку, если

он взялся за разные фокусы. Его дело – бомбардировщики.

– Да, ты прав, Пауль. Геринг не устает мне твердить: бомбардировщики, бомбардировщики. Но я же говорил Герману: мое дело – истребители. Скорость, скорость, скорость! А ведь у Хейнкеля были весьма приличные истребители. У него всегда не ладилось дело с шасси, но зато какая рама! И в этой новой машине что-то есть, Пауль, что-то в ней есть!

– Новый двигатель. Реактивная тяга. Но это пока лишь идея, лишенная всякого практического применения. Пятьдесят полетных секунд никого не убедят.

– Спасибо, Пауль. Ты прав. Завтра же позвоню Хейнкелю и наложу запрет на дальнейшие работы над этим выродком.

– Не торопитесь, мой генерал. Реактивный двигатель – безусловное новшество в авиации. Пусть пока бесполезное. Но стоит ли вам брать на себя незавидную роль врага технического прогресса? При вашей должности это вам не к лицу. Что, если показать машину фюреру? Она развлечет его. Наш фюрер обожает всякие технические курьезы. Ну, и если старик Хейнкель докажет полезность своего детища в будущей войне...

– Ты молодчина, Пауль! Сообщи Хейнкелю, чтобы он пригласил свою лягушку в Рехлин. А теперь помоги мне подняться. Скоро Берлин. Я хочу сам посадить «Зибель»...

3 июля 1939 года на имперский испытательный полигон в Рехлине прибыл Гитлер. Его сопровождали Геринг, Кейтель,

Йодль, Мильх, Удет, начальник штаба люфтваффе Йошонек и командир отряда испытателей Франке. Гитлер сбросил легкий плащ на руки адъютанта Энгеля и остался в коричневом френче, черном галстуке и черных брюках – традиционном костюме члена нацистской партии.

Из ангара техники вывели маленький самолетик. Вся носовая часть фюзеляжа была застеклена, и сквозь плексиглас виднелись ручка управления, крохотное сиденье для пилота, сектор управления двигателем. Удет толкнул шасси носком сапога – самолетик заметно покачнулся.

– Мой фюрер, «Хе-176» три дня назад я наблюдал в полете, – торопливо начал он, подумав, что этим жестом выразил свое отношение к новинке, которая может вдруг и понравиться Гитлеру. – Проектировать ее начал уважаемый доктор Хейнкель два года назад. Внутри фюзеляжа установлен жидкостно – реактивный двигатель, который работает на метаноле с перекисью водорода...

Гитлер с сомнением потрогал крылья:

– Какой размах?

– Пять метров.

– Диаметр фюзеляжа?

– Максимальный – восемьдесят сантиметров.

– Как же умещается летчик?

– Ему в кабине вполне удобно, – выкатился вперед Хейнкель и махнул Варзицу.

Летчик, откинув колпак, вскочил в кабину. Эта кабина в

случае аварии сбрасывалась, и Варзиц незаметно скользнул взглядом в сторону спасительного рычага.

По аэродрому пронесся свист запущенного двигателя. Из хвоста малютки вырвалось длинное белое пламя. Самолет помчался по бетонке. В небе летчик развернулся и пролетел над аэродромом.

Геринг и Удет покосились на Гитлера, стараясь угадать, какое впечатление произвел на фюрера полет. Но Гитлер, привычно поигрывая пальцами на отвороте френча, оставался спокойным.

Вскоре запас топлива и окислителя кончился. Самолет остановился посреди аэродрома, и его отбуксировали в ангар. Варзиц отрапортовал об окончании полета.

– Сколько вы заплатите летчику за это испытание? – спросил Гитлер Хейнкеля.

– По высшей ставке, мой фюрер.

– Поздравляю, обер-лейтенант, – сказал Гитлер.

– Я думаю, нам следует поздравить пилота с чином капитана, – проговорил Мильх. Гитлер пожал руку Варзицу.

– Ну, что вы думаете об этой штуке, капитан?

– Я убежден, что через год или два только немногие военные самолеты будут иметь винты и моторы внутреннего сгорания, – горячо ответил Варзиц.

Гитлер поморщился. Он не любил предсказаний. Предсказывать, предвидеть – привилегия фюрера. Он повернулся к Удету:

– Выдайте капитану Варзицу двадцать тысяч марок из специального фонда. А теперь послушаем Хейнкеля. Почему вы отказались от пропеллера?

– История авиации – история борьбы за скорость, – затараторил Хейнкель. – Скорость поршневых самолетов стала затухать. Из мотора уже ничего нельзя выжать, а у реактивного самолета неиссякаемый запас скорости, за ним будущее.

– Объясните!

– Враг скорости – сопротивление воздуха. Чтобы это сопротивление победить, нужно увеличить мощность моторов, следовательно, вес самих моторов, баков с горючим, фюзеляжа...

– Надо поднять самолет выше, в разреженное пространство, – указал Гитлер.

Вопреки обыкновению, беседа Гитлера не заинтересовала.

– В других странах делают реактивные самолеты?

– Пока нет, но, насколько мне известно, над созданием реактивных двигателей работают Уиттл и Гриффит в Англии, Ледок – во Франции, Цандер, Победоносцев, Люлька, Меркулов – в России... Кстати, именно Россия, очевидно, продвинулась в этой работе особенно далеко...

Но что-то мешало Гитлеру относиться всерьез к «детской коляске».

– Кажется, вы были удостоены в прошлом году Нацио-

нального приза за искусство и науку?

– Да, мой фюрер.

– Вместе с Меесершмиттом, – подсказал Удет. Гитлер протянул Хейнкелю руку:

– Благодарю, доктор. Вашу машину мы поставим в Музей авиации.

Ранним утром 28 августа, выйдя на дежурство, Пихт застал в приемной генерал-директора постоянного представителя фирмы «Эрнст Хейнкель АГ» в Берлине Пфистермайстера.

– А ведь я жду именно вас, господин Пихт. И новость, которую я хочу вам сообщить, должна вас порадовать, – зарокотал Пфистермайстер, оставляя в покое золотую цепочку пенсне, которой поигрывал минуту назад, и выпрямляясь перед адъютантом Удета.

– Весьма признателен. Чем могу служить?

– Вы, конечно, знаете, что наша фирма испытывает сейчас новую модель – уже «Хе-178» с турбореактивным двигателем. Так вот, вчера Варзиц на этой машине продержался в воздухе целых семь минут! Теперь уже никто не вправе сомневаться в том, что доктор Хейнкель открыл новую эру в самолетостроении. Совершил, так сказать, скачок в новое качество.

– На этот счет я бы хотел узнать мнение Мессершмитта.

– Вы известный шутник, господин Пихт, – позволил се-

бе рассмеяться Пфистермайстер, стараясь перейти на менее официальный тон. – Но согласитесь, что дело нешуточное.

– Да, здесь можно урвать солидный заказ.

– Не «урвать», господин Пихт! Когда же министерство научится толково распоряжаться кредитами?!

– Надеюсь, генерал-директор уже извещен о вчерашней сенсации? – спросил Пауль.

– Доктор звонил ему, но с Берлином дали связь только поздно ночью, и доктор боится, что генерал-директор со сна мог не понять истинного значения события.

– Вот этого ночного звонка генерал и не простит реактивной авиации...

– Послушайте, господин Пихт, – доверительно приглушая голос, произнес Пфистермайстер, – господин доктор уполномочил меня вручить вам этот конверт. Не удивляйтесь. Это премия, которую заслужили вчера энтузиасты реактивной тяги.

– Боюсь, мои заслуги в этой области очень скромны. И потом, дорогой Пфистермайстер, я же не ведаю заказами. Я даже не даю советов по этой части.

– И все же, Пауль, вы могли бы принести совершенно неоценимую пользу этому великому начинанию.

– А именно?..

– Вы лучше меня знаете, что, прослышав об успехах нашей фирмы, и другие конструкторы попытаются воспользоваться новаторскими идеями доктора Хейнкеля. Их усилия,

малоценные с точки зрения технической и научной, однако, создадут ненужную, я бы сказал, вредную для нашей империи обстановку конкурентной борьбы, затруднят обмен ценной информацией. Интересы нации требуют концентрированных усилий для скорейшего создания серийного реактивного истребителя. Эта задача по плечу только нашей фирме. Доказательства налицо.

Увлечшийся Пфистермайстер протянул было руку к столу за конвертом, наглядным свидетельством успехов фирмы «Эрнст Хейнкель АГ», но конверта на столе уже не было.

– Можете не продолжать, мой любезный Пфистермайстер. Я умею ценить доверие, хотя и не считаю себя человеком доверчивым. Убежден, что и вы знаете истинную цену доверия. Я подумаю о вашем предложении. Интересы отдельных предпринимателей, безусловно, вступают в данном случае в конфликт с интересами нации... И закон остается законом.

– Надеюсь, что ваши раздумья не повредят интересам нации, – чуть улыбнулся Пфистермайстер. – Господин доктор собирается приехать в Берлин, и я надеюсь видеть вас в числе его гостей.

– Прошу выразить мою признательность доктору Хейнкелю, – произнес Пихт, провожая Пфистермайстера к выходу.

Оставшись один, Пихт стал думать над сообщенной ему новостью, но пронзительный телефонный звонок прервал его размышления. Междугородная станция сообщила, что связь с Аугсбургом установлена, и заказанный разговор мо-

жет состояться через две минуты.

– Господин директор, вас вызывает Берлин.

Мессершмитт поднял тяжелую черную трубку, поворочал языком. Так делает спринтер, разминаясь перед стартом.

– Мессершмитт слушает... Я это предчувствовал. Вот как! Семь минут? Понимаю... Вполне официально? Рад. Жду... Ценю... До свидания.

Мессершмитт положил трубку, легко (окрыленно, записал бы его секретарь) поднялся с кресла, подошел к огромной, во всю стену, витрине. За прозрачным, ни пылинки, стеклом выровнялись, как на параде, призы – массивные литые кубки с немецких ярмарок, элегантные парижские статуэтки, фарфоровые, с позолотой вазы итальянских и швейцарских мэрий, кожаные тисненные бювары – свидетельства о рекордах. «Вся жизнь на ладони», – с удовольствием подумал Мессершмитт, вышагивая вдоль витрины.

Он взял в руки последний, самый ценный, отобранный у Хейнкеля кубок: за мировой рекорд скорости – 755 километров в час. Рекорд, установленный на его лучшей модели – «Me109E» – каких-нибудь четыре месяца назад.

«И все это только прелюдия, красивая прелюдия, не больше, – подумал Мессершмитт. – Настоящая авиация лишь зарождается. И первое слово скажу я».

Он позвонил секретарю и попросил немедленно вызвать профессора Зандлера.

Вилли Мессершмитт старался казаться угрюмым. При

разговоре он глядел на собеседника исподлобья. Почти двухметрового роста, худой, большеголовый, тонкогубый, с угловатыми скулами, он вызывал невольную робость у своих слушающих.

Увидев в 1910 году первый аэроплан Блерио, он, мальчишка, поклялся, когда вырастет, делать такие же самолеты. Будучи студентом, Мессершмитт кланчил деньги у богатых фабрикантов, изобретал, учился, терпел неудачи, подчас голодал, но шел напролом. Мастерская, заводик, завод, концерн... «Мать Германия, в блеске стали на твою мы защиту встали. Сыновьям своим громом труб ответь, за тебя мы хотим умереть...» Теперь тысячи пилотов с этой песней устремляются в небо на его, Мессершмитта, самолетах.

Четыре года назад сошел с конвейера «Мессершмитт-109» – самый удачный истребитель из всех, построенных ранее. На нем стоял мотор Юнкерса «Юмо-210» мощностью 610 лошадиных сил. Но воздушные бои в Испании заставили конструктора улучшить машину. Требовалась скорость – Мессершмитт установил двигатель «Даймлер-Бенц» мощностью 1100 лошадиных сил, заменив мелкокалиберный пулемет автоматической пушкой.

Но когда в пикировании «Мессершмитт-109Е» попал во флаттер (флаттер – произвольная тряска самолета, которая возникает при скорости, не рассчитанной для данной конструкции машины), конструктор впервые понял, что поршневой самолет исчерпал себя: дальнейший прогресс

был невозможен. Выход из тупика открывал реактивный самолет.

Тогда Мессершмитт переманил от Хейнкеля профессора Зандлера – специалиста по реактивной технике и аэродинамике крыла. В своей фирме он организовал специальный отдел и выделил для него испытательный аэродром в Лехфельде, неподалеку от Аугсбурга.

Теперь он ожидал, когда оттуда приедет Зандлер, конструктор и начальник этого отдела.

Профессор Зандлер вошел в кабинет с неестественно натянутым лицом. Чувствовалось, что перед дверью он не без труда придал ему выражение равнодушной заинтересованности. Обычно сутулый, сейчас профессор старался держаться прямо.

«Трусит, – решил Мессершмитт, – трусит, оттого и пыжится. А чего трусит?»

– Послушайте, профессор, – начал Мессершмитт, не присаживаясь и не предлагая сесть Зандлеру, – что-то вы давно не приходили ко мне с новыми идеями. Устали? Или не верите в проект?

– Господин директор...

– Вы не уверены в идее или в возможности ее экономного решения? Или вас тяготит отсутствие официальной поддержки?

– Господин директор...

– Или вы боитесь, что нас обгонят?.. Нас обогнали, Занд-

лер. Обогнали на год, а может, и на два. Вчера, Зандлер, ваш старый приятель доктор Хейнкель добился своего. Его новый истребитель – реактивный истребитель, Зандлер, – продержался в воздухе целых семь минут!

– Вы шутите, господин директор. Этого не может быть!

– Почему же, Зандлер? Не обещал ли Хейнкель подождать, пока вы раскачаетесь?

– Господин директор, я убежден...

– Ну вот что, Зандлер. Машина, которую испытывает Хейнкель, не вызвала восторга в Берлине. Это просто кузнечик. Прыг-скок. Прыг-скок. Кузнечик, Зандлер. Но это кузнечик с реактивным двигателем. Вот так-то, господин профессор.

– Значит, первое слово уже сказано?

– Это не слово, Зандлер. Это шепот. Его пока никто не расслышал.

Хейнкель, как всегда, поторопился. Ему придется свернуть это дело. Заказа он не получит. – Мессершмитт позволил себе усмехнуться. – Мне только что позвонили из Берлина, Иоганн. Нам предлагают форсировать разработку проекта реактивного самолета. Но пока мы не вылезем из пеленок – никаких субсидий!

На наш риск. Завтра, Иоганн, вы представите мне вашу – я подчеркиваю: вашу, а не финансового директора, – проектную смету.

– Хорошо, я представлю вам смету.

– Идите, Иоганн. Да, постойте. Вы понимаете, конечно, что до начала летных испытаний о характере проекта не должен знать никто. Я повторяю: никто, кроме инженеров вашего бюро.

– Я полагаю, что господин оберштурмфюрер Зейц по долгу службы...

– Господин Зандлер, что-то я не помню приказа о переводе Зейца в ваше конструкторское бюро.

– Должен ли я понимать это...

– Вы должны торопиться, профессор. За нами гонится История!

– Я свободен? – спросил Зандлер.

– До свидания. Впрочем, а как мы назовем свой самолет?

– Об этом еще рано думать...

– Нет. Мы придумаем ему имя сейчас. – Мессершмитт отмерил несколько крупных шагов. – Придумал! Мы назовем его «Штурмфогель»! «Альбатрос»! «Буревестник»! «Буря-птица»!..

Глядя в спину уходящему Зандлеру, Мессершмитт очень явственно представил себе, как десятки конструкторов из разных стран лихорадочно, наперегонки, разрабатывают идею применения реактивной тяги для самолетов...

Десятки конструкторов... И русские в том числе... Русские!

31 августа 1939 года Хейнкель приехал в Берлин и пригласил Удета пообедать в ресторане «Хорхер». «По старой

дружбе», – сказал Хейнкель.

Удет не нашел сил отказаться. Он пришел в ресторан возбужденный, запальчивый и пил по-старому, не пьянея. Азартно, громко вспоминал волнующие моменты былых полетов.

Хейнкель вяло поддакивал. Он ждал, когда генерал заговорит о его реактивных истребителях. Но Удет упорно сворачивал с сегодняшнего дня в блистательное прошлое. Обед затягивался.

Уже глубоко за полночь Хейнкель, видя, что генерал начинает повторяться, сказал:

– Генерал, видит бог, как я люблю вас. И любя и зная вас, я не могу понять, чем же не понравились вам мои «сто семьдесят шестой» и «восьмой»?

– Доктор, вы назвали меня генералом, и я вам отвечу как генерал. То, что ваши «сто семьдесят шестой» и «восьмой» не умеют летать, неважно: придет время – научатся, верю. Но они не умеют стрелять. И не научатся.

– Дайте срок. Научим и стрелять. – Хейнкель почувствовал, как ярость клубком подкатила к горлу. «Какое чудовищное недомыслие! И этот человек руководит вооружением страны!»

– В это не верю. Но, допустим, они будут стрелять. Когда? В кого?

– Я выпущу их в серию через два года!

– Фантастика, доктор! Я повторяю: нам нужны только те

самолеты, которые смогут сегодня принять участие в военных действиях. – Удет с удовольствием следил, как ухоженное лицо Хейнкеля покрывалось пятнами.

– Реактивные истребители изменят весь ход воздушных сражений. С такими самолетами Германия выиграет войну у любого противника.

– Германия выиграет войну у любого противника и без ваших редкостных чудо-истребителей. Но, доктор, не без помощи ваших великолепных бомбардировщиков. Массированный бомбовый удар станет нашим главным козырем в этой войне.

– Вы мне льстите, генерал. Но вы недооцениваете быстроты технического прогресса. Вы не верите в конструкторов. Еще неизвестно, какие сюрпризы они преподнесут к началу этой войны.

– Сюрпризов больше не будет, доктор. Разрешите сверить наши часы. На моих – три часа три минуты... Так вот, эта война начнется ровно через двенадцать минут! – Удет торжествующе засмеялся. Наклонившись к Хейнкелю, он прошептал. – Наконец-то поляки напали на нас! Мы вынуждены защищаться! Выпьем за победу в этой войне, доктор!

– Это будет большая война, генерал.

– Быстрая война, доктор!

Глава вторая. Асы начинают войну

Заканчивалось знойное лето. Приближался первый месяц осени. Во второй половине августа 1939 года к себе в Оберзальцберг Гитлер созвал высших командиров вермахта, люфтваффе и военно – морского флота. Фюрер заявил о своем решении осуществить операцию «Вейсс». Кто-то осторожно намекнул, что нападение на Польшу не подготовлено с дипломатической точки зрения.

– Ерунда! Я дам пропагандистский повод к войне. Победителя не спрашивают, сказал он правду или нет... Важно не право, а победа. Руководители Запада – червяки. Я видел их в Мюнхене. – Гитлер обвел всех присутствующих пронзительным взглядом своих серых, с красноватыми прожилками глаз. – Наша сила – в подвижности и жестокости. Чингисхан с полным сознанием и легким сердцем погнал на

смерть миллионы детей и женщин. Однако история видит в нем лишь великого основателя государства. Мне безразлично, что говорит обо мне одряхлевшая западная цивилизация. Я отдал приказ – и расстреляю каждого, кто скажет лишь слово критики... Польша будет обезлюжена и населена немцами. А в дальнейшем, господа, с Россией случится то же самое, что я проделаю с Польшей... Итак, вперед на врага! Встречу отпразднуем в Варшаве!

Через девять дней переодетые в польскую форму уголовники во главе с эсэсовцем Отто Скорценни напали на германскую радиостанцию в пограничном немецком городе Глейвице.

Поздно вечером капитан Альберт Вайдман, командир 7-го авиаотряда 4-го воздушного флота люфтваффе, получил секретный пакет. Сонно жмурясь, он вскрыл конверт, минуту сидел молча и вдруг с силой хлопнул ладонью по колену:

– Началось! – он схватил телефонную трубку. – Всех командиров отрядов, инженеров и пилотов – в штурманскую! Срочно!..

Вайдман быстро натянул брюки и куртку.

– Друзья! – торжественно начал он, входя в штурманскую комнату и останавливаясь перед застывшими в приветствии летчиками. – Рядом с нами Польша. Завтра утром Германия начинает войну. Первый воздушный флот Кессельринга из Померании и Пруссии и наш, четвертый, совершат массиро-

ванный налет. Тысяча пятьсот машин поднимутся в воздух. Цель – завоевать господство в воздухе, разгромить все польские аэродромы, атаковать заводы, железнодорожные станции, разогнать кавалерию. Мосты не уничтожать. Они пригодятся нашим танкам. Наша группа действует как штурмовая по направлениям – Ченстохов, Петроков, Радом. Техникам приготовить машины к трем ноль-ноль.

Круто повернувшись, он вышел из штурманской.

Оставалось два часа на отдых. Не раздеваясь, он лег, закрыл глаза.

Ровными толчками стучало сердце. Голова работала четко. По освещенному аэродромными огнями потолку скользили тени, как будто это двигались стрелки на приборной доске.

Издалека донесся мелодичный бой. Часы на ратуше Намслау двенадцатью ударами возвестили о начале сентября, первом дне осени, первом дне Второй мировой войны...

Без четверти четыре авиагруппа Вайдемана взлетела и развернулась к востоку.

Над самой землей Вайдеман вывел самолет из пике.

На ровном ржаном поле валялись трупы лошадей и всадников. Одна лошадь, обезумев от страха, неслась по жнивью, сшибая снопы. У ее копыт, зацепившись ногой за стремя, болтался легионер. Вайдеман полез в высоту. В этот момент он увидел, как навстречу лошади, дымя сизыми выхлопами, мчались танки с белыми крестами на бортах. Танкисты, вы-

сунувшись из люков, стреляли по лошади из парабеллумов.

Под Ченстоховом группа обрушилась на польский аэродром. В березовой роще белели цистерны с горючим, а у длинных ангаров и кирпичных мастерских рядами стояли самолеты. Сверху хорошо было видно, как техники стягивали с моторов чехлы; коноводы запрягали лошадей в брички-бензозаправщики; зенитчики, еще не очнувшись от сна, бежали к пулеметам.

Через минуту аэродром скрылся в дыму и огне. Истребители тройками сваливались с неба, стреляя из всех пулеметов. Только одному польскому пилоту удалось добраться до своего самолета и запустить мотор. Он вырвал машину из костра пылающих истребителей и сразу пошел на взлет, на верную смерть – один против шестидесяти.

Аэродром пылал. Горели ангары, горели цистерны, горели самолеты, так и не успевшие взлететь.

Над самой землей проплыли пять трехмоторных «юнкеров». Флагман развернулся навстречу черному дыму и нацелился на посадку.

«Юнкеры» садились, тормозя изо всех сил. В конце полосы распахивались дверцы, и на ходу спрыгивали автоматчики, рассыпались цепью, расстреливали тех, кто еще был жив на аэродроме.

Вайдеман повернул свой отряд к Петрокову.

Конструктор Иоганн Зандлер даже для немца был вели-

колепным образцом аккуратности. В кабинет он приходил ровно в восемь утра, и за три года работы у Мессершмитта еще не было дня, чтобы он опоздал. Он носил несколько старомодные, чуть ли не кайзеровские усы, но костюмы выбирал вполне современные, как и сорочки и галстуки. Фигурой он походил на длинного и прямого, как шток, англичанина. Не хватало лишь трубки. Он курил сигареты. Курил одну за другой, жадно и быстро, до головокружения. У себя в кабинете он был предоставлен самому себе. Сюда никто не имел права заходить, кроме оберштурмфюрера Вальтера Зейца, отвечающего за безопасность и секретность всех работ, которые ведутся на испытательном аэродроме в Лехфельде. В этом кабинете Зандлер не склонялся над чертежной доской, не делал расчетов. Здесь он только думал.

Лицо у Зандлера было землисто – серое, под бесцветными глазами – темные, набухшие мешки. Сердце и почки давно требовали лечения. Но Зандлер не находил для этого времени. Он мерил кабинет длинными ногами и курил. Когда уставал, садился в кресло. Когда в горле начинало саднить, он брал из сейфа бутылку крепкого старого пива «Штарбиер», выпивал бокал и снова затягивался сигаретой.

Сегодня он думал о том же, что занимало его вчера и год назад. О самолетах с ракетным и турбореактивным двигателями. Фантазия рисовала ему эти самолеты, один причудливей другого, не похожие на те, что летают сейчас.

Коллега Зандлера – Оберт, первым понявший гениаль-

ность открытий Циолковского, калужского учителя физики, не смог их реализовать. После Циолковского появилось много работ. Но все на бумаге, в моделях. Зандлер хотел создать реактивный самолет в металле.

В прошлом Зандлер усматривал горький и роковой парадокс – о могучей движущей силе ракет люди знали гораздо раньше, чем изобрели паровую машину или воздушный шар. Еще за двести пятьдесят лет до нашей эры философ Герон Александрийский проводил опыты над реактивной турбиной. В 1780 году магараджа Майсура применял ракеты против англичан. Английский полковник Вильям Конгрив бомбардировал Булонь и Копенгаген реактивными снарядами. Хайрем Максим, конструктор пулемета и аэроплана с паровой машиной, тоже думал о реактивных двигателях.

Зандлер вспоминал слова Циолковского о том, что есть вещи и дела, не вовремя рожденные. Но известно, что многие великие начинания воспринимались как несвоевременные и, не находя сочувствия у современников, гасли... Так «несвоевременными» оказались железные дороги. Комиссии известных ученых и специалистов находили их даже вредными и губительными. Пароход сочли игрушкой, и не кто-нибудь, а сам Наполеон.

Зандлер с успехом справился с планером реактивного самолета, применив стреловидное крыло. Но не было надежного двигателя, и это обстоятельство сводило его, Зандлера,

труд к бессмыслице.

Иногда Зандлер завидовал Охайну, молодому изобретателю реактивного двигателя «Хес», его стремительной карьере, его упорству, смелым экспериментам, на которые сам он никогда бы не отважился. Но Охайн работал у Хейнкеля... Теперь же начатое Хейнкелем дело ловко перехватил Мессершмитт.

«Кто-то сильно помог господину Мессершмитту, – подумал Зандлер. – С точки зрения интересов рейха, надо бы поддержать Хейнкеля. Ведь он бьется над реактивным самолетом и двигателем четыре года. И, конечно, не подумает продать Мессершмитту документацию своей реактивной машины. Двигатель придется искать другой...»

Телефонный звонок прервал размышления Зандлера.

– Доброе утро, профессор, – раздался в трубке густой, хорошо поставленный голос оберштурмфюрера СС Вальтера Зейца. – Извините за беспокойство. Поздравляю с началом войны. Сегодня на рассвете мы ответили на удар поляков. Повсюду наши войска одерживают победу.

– Хорошо, господин Зейц, – как можно приветливей отозвался Зандлер, стараясь скрыть раздражение.

Оберштурмфюрер Вальтер Зейц был в Лехфельде не только представителем гестапо, но и арбайтсфюрером нацистской партии, и Зандлер, подавляя странную тревогу, пытался относиться к нему как можно предупредительней. Но в душе Зандлера Зейц вызывал злость. Арбайтсфюрер умел

задавать такие вопросы, над которыми бился сам конструктор. И когда Зандлер ответить не мог, Зейц поджимал губы и снова спрашивал нечто вроде: «А скажите, профессор, не задумывались ли вы над тем, что скоростной истребитель теряет маневренность?»

Зандлер хорошо знал, что на скорости около тысячи километров в час маневр чрезвычайно затруднителен. Система воздушных тормозов, позволяющая резко убавить скорость, одновременно отнимала мощность у двигателя, лишенного воздушного напора. Это вело к потере высоты, к плохой управляемости – словом, к ухудшению боевых качеств машины. Как помирить маневренность со скоростью, Зандлер еще не знал.

– Я вам не помешал, профессор? – спросил Зейц, появляясь в дверях.

– Нет, господин Зейц. Сегодня по случаю победы можно отдохнуть.

Полнолицый, широкоплечий, голубоглазый обер-штурмфюрер был олицетворением того строя, который установился в Германии пять с половиной лет назад. Зейц принадлежал к гвардии СС, элите элит. Заплечных дел мастера формировались из людишек помельче, их не пускали в парадные империи. А такие белокурые, смелые и сильные, без примеси чужеродной крови, ведущие свое начало от древних германцев, составляют цвет нации, гордость империи.

Для Зейца служба заключалась в простом выполнении

приказов и инструкций. Это делал он всегда точно, предупредительно и как-то весело. Зандлер завидовал его способности ни о чем не думать, обходить опасные повороты, смотреть на жизнь легко и беззаботно.

Зейц протянул Зандлеру дорогую гаванскую сигару.

– Это наш первый трофей, профессор, – важно проговорил оберштурмфюрер. – На днях моряки захватили польское судно из Гаваны. У бедняг испортилась рация, и они, ничего не зная о войне, спокойно зашли из Атлантики в ваш Кильский канал.

– Господин Зейц, – проговорил Зандлер, срывая с сигары золотой ободок, – на днях я был у Мессершмитта, и главный конструктор приказал мне форсировать работы над реактивным самолетом.

– Я знаю об этом, – многозначительно ответил Зейц, усаживаясь в кресло.

– Хочу посоветоваться с вами относительно философского обоснования этой работы...

– Да, да, – подбодрил профессора Зейц.

Зандлер достал из стола книжку в синем переплете. На обложке белел крест, воцаренный над пылающей землей.

– Послушайте, что пишет один человек: «Страна, потерявшая господство в воздухе, увидит себя подвергающейся воздушным нападениям без возможности реагировать на них с какой-нибудь степенью эффективности; эти повторные, непрекращающиеся нападения, поражающие страну в

наиболее сложные и чувствительные части, несмотря на действие ее сухопутных и морских сил, должны неизбежно привести страну к убеждению, что все бесполезно и всякая надежда погибла. А это убеждение и означает поражение...»

– Кто это написал?

– Итальянский генерал Джулио Дуэ.

– Ну, это еще не авторитет, – протянул Зейц.

– Но послушайте дальше: «Я хочу только сделать упор на одном моменте, а именно на силе морального эффекта... не достаточно ли будет появления одного только неприятельского самолета, чтобы вызвать страшную панику?... Может быть, это произойдет еще прежде, чем сухопутная армия успеет закончить мобилизацию, а флот – выйти в море».

– Вот это превосходная идея! – воскликнул Зейц.

– Стало быть, я правильно понял, что стремительная скорость нового самолета дает моральный эффект и на первых порах отодвигает проблему маневренности в бою?

Зейц догадался, что профессор ловко обошел его, хотел поспорить, но потом подумал: «В конце концов, стоит ли спорить о цыпленке, если он еще не вылупился из яйца». Вслух Зейц произнес:

– Безусловно, профессор. Вы меня очень заинтересовали, я непременно прочитаю генерала Дуэ, – и, хотя был в штатском, четко, по-военному, повернулся и вышел.

28 сентября капитан Коссовски впервые изменил тому железному регламенту, которому подчинялось каждое его

движение в утренние часы. Когда он попросил жену принести ему «Фолькишер беобахтер», та в изумлении всплеснула руками:

– Зигфрид, ведь ты еще не брился! Неужели новое назначение так на тебя подействовало?

Но Коссовски не счел необходимым объяснять супруге, чем вызвано это отступление от правил. После трехлетней разлуки он так и не смог вновь привыкнуть к фрау Эльзе как к человеку, с которым следует делиться своими мыслями. Три года в Испании отучили его вообще поверять свои мысли кому бы то ни было. Жена не могла составить исключения. Вот, может быть, сын, когда подрастет... Но сначала нужно воспитать в нем те качества, которые он ценил в себе, – сдержанность, твердость духа, верность раз и навсегда утвержденным принципам.

Он развернул газету и сразу увидел то, что искал, – декрет о создании Главного имперского управления безопасности. Значит, слухи, упорно циркулирующие в салоне Китти, где собирались по вечерам люди, хорошо осведомленные о тайных делах рейха, были справедливы. Гейдрих (Гейдрих – начальник Главного имперского управления безопасности. Убит чешскими патриотами в Праге в 1942 году) добился своего. Отныне в его руках почти все рычаги незримого управления рейхом – гестапо, СД, СС, полиция, жандармерия. Теперь уж он доберется и до Канариса (Канарис – руководитель военной разведки и контрразведки гитлеровской

Германии – абвера. Повешен после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года) – абвер остался единственной тайной силой, неподвластной ему.

Коссовски отложил газету и направился в ванную.

Через час зеленый армейский «опель» доставил его к массивному серому зданию на Кайзервильгельм – штрассе, где располагалось министерство авиации. Вывеска «Форшунгсамт» у пятого подъезда извещала прохожих, что здесь расположилось некое научно-исследовательское управление министерства.

Но мало кто даже из летчиков знал, что под этой вывеской скрывается служба разведки и контрразведки люфтваффе.

Коссовски поднялся на третий этаж и вошел в приемную своего нового шефа – Эвальда фон Регенбаха. Капитан был бы никудышным разведчиком, если бы, готовясь принять новое назначение, не изучил биографию и характеристику человека, под началом которого ему предстояло служить. Все, что он узнал о Регенбахе, не оставляло места для иллюзий. Коссовски понимал, что придется работать за двоих. Своему посту в «Форшунгсамте» Регенбах был целиком обязан связям. Одна из его аристократических теток была близкой приятельницей рейхсмаршала. Сам Геринг подписал Регенбаху направление на высшие курсы штабных офицеров люфтваффе. До этого Эвальд баловался журналистикой, писал либеральные статьи.

Впрочем, по всем отзывам, нынешний Регенбах, извест-

ный среди друзей под именем Эви, был всего лишь избалованным светским бездельником, тяготившимся службой и делившим свое время между театром и ипподромом.

Подтянутый и прямой, с четкими, тонкими чертами лица, будто выточенного из дорогого камня, Эви принадлежал к высшим аристократическим кругам. Его жена блистала на всех дипломатических раутах. Да, капитану Коссовски, сыну безземельного юнкера, нелегко будет найти общий язык с «милым Эви».

Открывая дверь кабинета, Коссовски хорошо представил себе, с какой снисходительной миной встретит его новый шеф.

– Я рад, что вы будете работать у нас, – заметил Регенбах, когда Коссовски, поздоровавшись, сел в предложенное ему кресло. – Нам нужны опытные люди, понюхавшие пороху. Боюсь только, что после испанских приключений вам покажется у нас смертельно скучно. Мы же, в сущности, бюрократическая организация. Пишем разные справки. Шпионов ловят Канарис и Гейдрих, а с нами лишь консультируются...

– К сожалению, следует ожидать, что в условиях военного времени активность вражеской разведки увеличится. Работы хватит и для нас, – заметил Коссовски.

– Ну, эта война ненадолго. С поляками мы уже расправились, а стоит нажать на французов, как они вместе с Англией запросят мира. Впрочем, прогнозы – не моя стихия. Вечно я попадаю впросак! – засмеялся Регенбах. – Надо ввести вас

в курс дела. Мы поручаем вам совершенно новый участок работы. Она даже как-то связана с нашим официальным наименованием.

– Слушаю вас, – проговорил Коссовски.

– Наши блистательные конструкторы изобрели какой-то новый самолетный мотор. Не пойму, в чем там дело, но кажется, он вовсе без пропеллера. Ну, бог с ним. Важно, что мы тут утерли нос всем американским эдисонам. Пригодится ли эта штука на войне, никто не знает. Но так или иначе, в министерстве создали новый секретный отдел. Как же он называется?.. – Регенбах порылся в бумагах. – Ага. Отдел реактивных исследований. Ну, а раз есть отдел, да еще сверхсекретный, надо его охранять от вражеской агентуры, для чего и существует на свете капитан... Зигфрид Коссовски. Узнайте, капитан, кто с этим моторным делом связан. Таких, наверное, еще немного. Запросите на них досье. Ну и что еще? Если поймаете шпиона, покажите, пожалуйста, мне. Стыдно сказать, два года в контрразведке – и ни одного живого шпиона в глаза не видел.

Регенбах встал, и Коссовски понял, что аудиенция с начальством, оказавшаяся, как он и предполагал, сплошным балаганом, окончена.

После взятия Варшавы Альберт Вайдеман получил отпуск.

Посмотреть бомбардировку польской столицы прилетал

сам Гитлер. Эскадры люфтваффе в парадном строю, с журналистами и кинооператорами на борту сыпали на город тысячи фугасных и зажигательных бомб, испепеляя город.

А уже через два дня Вайдеман смотрел хроникальный фильм, который педантично рассказывал о гибели одной из старейших европейских столиц. Кадр, запечатлевший эскадру бомбардировщиков «Хе-111» над пылающей Варшавой, стал рекламным плакатом фирмы «Эрнст Хейнкель АГ».

Командиру седьмого отряда четвертого воздушного флота в Польше делать было нечего.

В купе поезда Варшава – Берлин Вайдеман увидел скучающего фельдфебеля. Тот глядел в окно на опустевшие осенние поля, на промокшие деревушки с остроконечными крышами костелов.

Фельдфебелю было лет тридцать. Вайдеман обратил внимание на его поседевшую голову. «Белый, как пудель», – подумал Вайдеман, забрасывая чемодан на полку.

Фельдфебель вскочил перед офицером, щелкнул каблучками.

– Эрих Хайдте, – первым представился он, как и положено по уставу.

– Фронтовик? – спросил Вайдеман, польщенный служебным рвением фельдфебеля.

– Стрелок-радист на «дорнье», господин капитан.

– Отвоевались?

– Получил отпуск и медаль в придачу. За героическую кам-

панию.

– Сегодня мы все герои. Задавили поляков, – усмехнулся Вайдеман. – Приедем домой в ореоле славы. С окровавленными мечами, – он пропел несколько тактов из вагнеровского марша. – Трум-бум-бум-бум.

– Наш командир разогнал польский эскадрон, как куропаток. Весь экипаж получил отпуск.

Откровенное хвастовство не понравилось Вайдеману.

– Жена будет рада, – сухо заметил он.

– Бобыль. Осталась только сестра Ютта, – ответил фельдфебель, доставая из внутреннего кармана френча любительский снимок и протягивая его Вайдеману.

Со снимка на Вайдемана пристально смотрела длинноволосая девушка в черном свитере.

– Хороший снимок, – сказал Вайдеман.

– Сам делал. У меня к фотографии пристрастие. Разобьем Англию, куплю себе приличное фотоателье...

Поезд с грохотом помчался через Одер. В купе вошел проводник-немец, сменивший поляка. Проводник выбросил руку в нацистском приветствии и объявил:

– Граница рейха! – и тут же поспешно добавил. – Бывшая граница рейха.

Чуть ли не первым человеком, которого Вайдеман увидел на берлинском вокзале, был оберштурмфюрер Вальтер Зейц. С Зейцем свела его судьба еще десять лет назад в Швеции. Оба были горячи, молоды, беспечны. И одиноки. Оба не зна-

ли ни родительской опеки, ни родительской любви. В карманах редко звенели кроны, но жизнь после берлинской дороговизны все же казалась сытной и приятной.

Вайдеман работал в сборочной мастерской – филиале завода Юнкерса в Упсале – и готов был подняться в воздух на любом гробу: лишь бы платили. Зейц сидел в конторе – разбирал рекламации, которые иногда поступали из шведского министерства транспорта, и заодно помогал заезжим немцам устраивать разные коммерческие и не совсем коммерческие дела.

Третьим в их холостяцкой компании был Пауль Пихт, пожалуй самый энергичный и пронырливый. Пихт задумывался о карьере, когда Вальтер и Альберт не помышляли ни о чем, кроме девочек. Накопив немного денег, Пихт все их, не моргнув глазом, ловко всунул шеф-инженеру, и тот назначил его главным механиком авиамастерской. А когда в Швецию на гастроли прилетел прославленный Удет, Пихт первым понял, где можно пожить. Он мыл, чистил и скреб самолет Удета, как свой собственный мотоцикл, а когда в моторе что-то забарахлило, и выступления могли сорваться, он двадцать часов копался с двигателем, пока все не отладил. И главное, отказался от платы. Сделал вид, что старался только из любви к лучшему немецкому летчику. И не прогадал. Удет взял его с собой личным механиком.

Зейц и Вайдеман долго еще оставались в Швеции, пока фюрер не бросил клич сынам фатерланда: «Немцы, объеди-

няйтесь!»

Теперь уж повезло Зейцу. Один из его старых клиентов был вхож к Гейдриху. Зейца взяли в училище СС. А Вайдеман попал в летную школу в Дрездене. Оттуда в Испанию в истребительный отряд Мельдерса.

– Ну, а где ты сейчас? – спросил Вайдеман, когда приятели зашли в кафе на привокзальной площади и сели за столик.

– Я работаю у Мессершмитта, – скромно ответил Зейц. – Становлюсь провинциалом.

Ему не хотелось посвящать Альберта в свои дела.

– Женился?

– Один как перст, – притворно вздохнул Зейц. – Видимо, не суждено... А ты?

– Та же история. Гарнизонная жизнь не располагает к устройству семейных очагов. Ты видел Пауля Пихта? – неожиданно спросил Вайдеман.

– Вы же вместе долго воевали в Испании! Я там пробыл совсем немного.

– Да, он молодчага. Схватил крест.

– За что?

– Представляешь, его обстреляли республиканцы, и он вынужден был сесть на их территорию. Он чудом выбрался из кабины. Уже готов был стреляться – не сдаваться же в плен! – как его спас сам Мельдерс. Сел рядом, засунул его в кабину и взлетел перед самым носом республиканцев. Мельдерсу – Рыцарский крест, Пихту – Железный. И что любо-

пытно, Мельдерс потом стал таскать его всюду за собой. И не давал много летать. Вдруг собьют, и нельзя будет похвастаться: «Да – да, это тот самый Пихт, которого я выкрал у республиканцев». Сейчас Пауль, как и раньше, под крылышком Удета. Ходит в адъютантах.

– Хотелось бы увидеть его, отпраздновать Польшу.

Вайдеман простился с Зейцем, вышел из кафе и окинул взглядом площадь: искал такси.

Шагах в двадцати от него в черный лимузин садился тот самый фельдфебель Хайдте, сосед по купе.

Вайдеман кинулся к машине – может, по дороге. Но фельдфебель не заметил его. Лимузин сорвался с места, чуть не обдав Вайдемана фонтаном брызг. Лицо человека за рулем показалось Вайдеману знакомым.

Всю дорогу до отеля он вспоминал, где же видел это холеное лицо, мягкое, упрямое и безразличное. И только входя в вестибюль отеля, Вайдеман понял, что встречался с этим человеком в министерстве авиации. Человек беседовал с ним перед Испанией, когда Вайдеман оформлялся в легион «Кондор». Майор Регенбах, фон Регенбах. Контрразведчик. Значит, предчувствия не обманули его. Вместе с ним в одном купе ехал человек из «Форшунгсамта»...

Когда Вайдеман вышел, Зейц заказал еще одну чашку кофе и усталился на аквариум, где резвились золотые рыбки.

– Любуетесь вуалехвостами? Легкомысленные создания. Предпочитаю собак.

Зейц обернулся. К столику, снимая котелок из жесткого фетра, подходил пожилой господин в теплом ворсистом пальто.

– Разрешите?..

На соседний стул старик положил зонт и щелчком подождал кельнера.

– Яйцо всмятку, пирожное и кофе... – и мягко добавил. – Не торопитесь?

Зейц подтянулся, напряг спину, готовясь вскочить для приветствия, но, увидев штандартенфюрера СС в штатском и поняв, что в данной обстановке шеф не ждет от него громкого усердия, чуть-чуть приподнялся.

– Сидите, сидите, Зейц. Я нарочно пригласил вас сюда, а не на Альбертпринцштрассе. Будем считать наш разговор всего лишь отеческим поучением. Ведь у вас не было отца, который мог бы своим советом указать верный путь.

– Мой путь указан фюрером, – тихо ответил Зейц.

Собеседник кивнул.

– Но вы уже успели немало накуролесить, Зейц. Боюсь, что мне следовало бы внимательнее изучить некоторые страницы вашего жизнеописания. Ничто не проходит бесследно, Зейц. Ничто.

Зейц молчал.

– Оставим пока прошлое в стороне. Думаю, вы сами при случае расскажете мне все, и подробно. Но я вас не тороплю. Мне нужна ваша преданность сегодня. Услуги, которые по-

требуются от вас, носят особый характер. Отныне вы будете посылать донесения лично мне. Наша уверенность в секретности работ, – которые ведутся в Лехфельде, должна быть абсолютной. Мы стоим на пороге великих открытий в области военной техники. Эти открытия коренным образом могут повлиять на войны, которые придется вести Германии. Но, сожалению, мы не вправе доверять даже тем, кто эти открытия делает. Мы не вправе доверять никому, Зейц. Вам ясно?

– Я ручаюсь, что на заводах Мессершмитта нет ни одного еврея и ни одного коммуниста.

– При чем здесь евреи, Зейц?! Этого еще не хватало! Нельзя доверять никому. Вот список лиц, которые меня особенно интересуют. Не спускайте с них глаз. Обо всем мало-мальски особенном немедленно извещайте меня.

Зейц взял список и тут же с недоумением поднял глаза на собеседника:

– Как, сам главный?..

– Разумеется.

Вторым за Мессершмиттом в списке стоял Иоганн Зандлер.

– Надеюсь, вы запомнили всех, Зейц?

Штандартенфюрер забрал список у ошеломленного Зейца и медленным, вялым взглядом обвел кафе.

К столику подбежал пинчер и встал на задние лапы. Улыбнувшись, штандартенфюрер положил на нос собаки кусочек

пирожного. Пинчер вскинул голову и поймал пирожное пастью.

– Эта собака – моя любовь, – проговорил Клейн и, увидев молодую женщину в норковой шубке, поклонился. – Добрый день, фрау Регенбах.

Женщина обворожительно улыбнулась:

– Зизи не успокоится, пока вы ее не погладите, доктор.

Она надела на пинчера ошейник и вышла.

– И вот еще о чем я хотел попросить вас, Зейц, – проговорил штандартенфюрер, задумчиво глядя вслед фрау Регенбах. – Поищите себе невесту. Все люди вашего возраста нуждаются в верной подруге. Добрый семьянин нравится толпе. А работать с людьми – большое искусство, Зейц. Вам нужно иметь своих людей среди рабочих, среди техников, летчиков, инженеров. Это разные люди, Зейц. Но все они люди. Не будьте слишком грубым, слишком упрямым, слишком мягким, а главное, слишком умным. Излишек всегда опасен. Грубость раздражает людей. Упрямство – отталкивает. Мягкость вызывает презрение...

Штандартенфюрер Клейн помолчал и неожиданно попросил:

– А теперь, Зейц, расскажите мне о своих друзьях. О своих старых друзьях. О Вайдемане, Коссовски, Пихте...

Глава третья. Крещенные огнем

10 января 1940 года возле небольшого бельгийского городка Мешелен у реки Маас совершил вынужденную посадку германский связной самолет «Me-108». Летевшие на этой машине майоры Хейнманс и Рейнбергер везли с собой документы особой важности – распоряжения по планам вторжения во Францию, Бельгию и Голландию. Незадачливые летчики часть документов уничтожили, но остальные попали в руки бельгийских пограничников и скоро стали известны командованию союзников – Англии и Франции, которые после нападения на Польшу находились в состоянии войны с Германией. Один из документов содержал директиву командующего вторым воздушным флотом генерала Фельми о взаимодействии с соседним третьим флотом и другими подразделениями люфтваффе. Из него явствовало, что направление главного удара по Франции выбрано через Бельгию и Голландию.

В сложившейся обстановке гитлеровское командование было вынуждено перенести сроки нападения. Гитлер, взбешенный потерей документов, отстранил от должности генерала Фельми и заменил его генерал-полковником Кессельрингом, получившим Рыцарский крест за польскую кампанию. Непосредственного виновника утраты секретных оперативных документов майора Рейнбергера заочно приговорили к смертной казни.

Пока генеральный штаб лихорадочно переделывал план нападения на Францию, Гитлер приказал двинуть войска в Данию и Норвегию. К марту фашистские самолеты, вторга-

ясь в воздушное пространство этих государств, закончили аэрофотосъемку всех важных объектов. Часть сведений добыл опытный шпион, военно-воздушный атташе Германии в Осло капитан Шпиллер. В начале апреля германские войска, поддержанные с воздуха авиацией, высадились в портах побережья от Осло до Бергена. Малые государства капитулировали. Дания раньше. Норвегия позже. Наступила очередь Франции.

Весной авиагруппу Вайдемана перебросили на западную границу. Весна шла дружно. Уже в конце апреля в Голландии наступили на редкость солнечные, теплые дни. Море было тихим. Туманы жались к берегам, скрывая дамбы.

Но в ночь на 8 мая вдруг поползли тучи, пошел мелкий дождь. Он трудолюбиво обмывал и без того чистенькие черепичные крыши, асфальтированные дорожки, поля цветов.

В полночь ослотившие от безделья голландские пограничные посты были разбужены тяжелым воем самолетов. Пока тормозили спящих телефонистов, пока дежурные офицеры дозванивались до своих начальников, гул прекратился. Самолеты ушли.

Часовые плотнее закутались в дождевики. Разошлись по еще не остывшим постелям зенитчики, успокоились дежурные офицеры.

И тут из низких туч посыпались парашютисты. Они приземлялись на аэродромах Гааги и Роттердама, Дордрехта и Моердяка, захватывали мосты через Маас, Лек и Ваал, про-

никали в распоряжение войсковых частей, артиллерии, бесшумно снимали часовых.

И снова донесся тяжелый, утробный гул самолетов. И снова стих... На захваченные парашютистами аэродромы стали спускаться многоместные десантные планеры.

– Придержи штурвал, Шверин, я включу посадочную фару, – проговорил Вайдеман, который вел одну из этих машин. – Давно не летал на фанерных катафалках.

– Включатель слева от триммеров элерона, – сказал Шверин.

– Нашел, – Вайдеман включил фару.

Желтовато – синий свет уперся в стену плотного, непробиваемого тумана. Слева и справа скользили в тучах пучки света других планеров.

– Вот уж сядем им на загривок! – заржал Шверин.

«Разбойник», – подумал Вайдеман, покосившись на развеселившегося второго пилота.

Он прислушался к тишине. Транспортные «юнкеры» уже ушли за новым десантом. Были слышны только короткие вскрики на земле, поскрипывание деревянного фюзеляжа да возня Шверина на правом сиденье. Вайдеман открыл форточку и старался отыскать на приближающейся земле посадочную полосу.

Авиагруппа должна была вместе с десантниками захватить аэродром в Маастрихте, где базировались лучшие английские истребители – «спитфайры», и перегнать их на гер-

манский аэродром под Аахен.

– Лейтенант! – крикнул Вайдеман стоящему в дверях пилотской кабины командиру парашютистов. – Сколько у тебя солдат?

– Сто двадцать.

– А на аэродроме, наверное, не меньше трех тысяч голландцев?

– Не меньше, – усмехнулся лейтенант.

– Они вышвырнут вас, как щенков.

– Пари! Эти кролики разбегутся при первых же выстрелах.

Планер вынырнул из туч. На земле уже горел какой-то дом и освещал широкую равнину. Вайдеман потянул штурвал на себя, стараясь погасить скорость. По днищу планера захлестала мокрая трава, толстые шины колес коснулись земли и сильно закрипели на твердом, укатанном поле.

Солдаты выпрыгнули из планера и скрылись в темноте. Повсюду белели успевшие намокнуть шелковые полотнища парашютов. Где-то недалеко шла беспорядочная стрельба.

Вайдеман надел стальной шлем, достал из-под сиденья автомат и вышел наружу. Зябко поеживаясь, подошли пилоты и техники других планеров.

– Вот что, ребята, – сказал Вайдеман, – под огонь не лезьте, обойдутся без нас. Важно угнать «спитфайры». Никто не летал на них?

– Откуда же?!

– Учтите, машина капризная. Чуть перетянешь ручку – сваливается в штопор без предупреждения. Взлет обычный, только разбег побольше. Потяжелей. На посадке задирайте нос повыше, а то расшибете лбы.

Из темноты выскочил ефрейтор с окровавленной рукой, засунутой за отворот плаща.

– Аэродром наш! – крикнул он.

Около дороги ждал грузовик. Пилоты набились в кузов, а Вайдеман и Шверин залезли в кабину. Вдали шел бой. Пунктирными линиями прорезали темноту трассирующие пули автоматов. Гулко толкали воздух взрывы гранат. Иногда взлетали белые ракеты и меркли, запутавшись в кромке низких туч. Несколько раненых сидели у дороги, перевязывали друг друга индивидуальными пакетами.

– Эй! – крикнул один из них. Шофер затормозил.

– Поторапливайтесь! Голландцы очухались и нажимают на аэродром!

Минут через десять грузовик подкатил к накрытым брезентом истребителям. Пилоты помогли техникам расчехлить моторы.

– Дьяволы! – выругался Шверин. – Они слили бензин.

Пока разыскивали бензозаправщик, бой приблизился к самой границе аэродрома. Тогда отряд парашютистов проник в тыл голландским войскам и открыл стрельбу. Голландцы отступили.

Летчики спокойно вытянули на полосу неуклюжие «спит-

файры», запустили моторы и взлетели, взяв курс на восток.

В кабине Вайдеман ощутил чужой, резкий запах ацетона. Некоторое время он дышал ртом. На приборной доске система обозначений была английской, и пришлось мысленно переводить ее в метрическую. Самолет набрал скорость, и Вайдеман, пробив облачность, даже зажмурился от света, который сразу залил всю кабину. На востоке уже рассвело, и вот-вот собиралось показаться солнце. Внизу колыхались желтоватые облака. «Спитфайры» выскакивали из них, качаясь с крыла на крыло.

В ночь на 10 мая 1940 года у самолетов 51-й бомбардировочной эскадры были покрашены опознавательные знаки люфтваффе. Летчики этой эскадры отличались особым усердием, но даже им не сообщили о цели полета и маршруте. Они вышли из своих казарм в абсолютной темноте, надели парашюты, заняли места в кабинах и по радио доложили о готовности на флагманский корабль командиру эскадры полковнику Йозефу Каммхуберу.

– Превосходно, друзья! – бодро проговорил Каммхубер. – Держитесь ко мне тесней. Не рассыпайтесь. Навигационных огней не зажигать. Бомбить по моей команде. Я скажу одно слово: «Этуаль» По-французски это звезда. Через пять минут полета поворачиваем обратно.

Взревели моторы. Прожекторы на мгновение осветили взлетную полосу. Самолеты, тяжело груженные бомбами, оторвались от земли. Штурманы догадались, что они летят

к границе Франции. На картах они привычно чертили курс, вели счисление по времени и скорости полета, передавали летчикам записки с поправками.

И вот в тишину эфира ворвался веселый голос Каммхубера:

– Этуаль!

Руки привычно легли на рычаги бомболюков. Самолеты подбросило вверх – так бывает всегда, когда они освобождаются от груза бомб.

Бомбы со свистом понеслись вниз и врезались в крыши спящих домов.

Так погиб немецкий город Фрейбург. Пропагандистский повод к нападению на Францию был обеспечен. Геббельс объявил о злодейском нападении противника на мирный германский город.

В пять часов тридцать минут того же дня танковая группа Клейста ринулась через Люксембург и Арденны на Седан и Амьен к Ла-Маншу. Группа армии фон Бока вторглась в Голландию и Бельгию, отвлекая на себя основные силы французов. Группа армии фон Лееба ударила по линии Мажино.

Через семь дней премьер-министр Франции маршал Петен запросил перемирия. Оно было подписано в том же самом Компьенском лесу в специально привезенном сюда по распоряжению Гитлера салон-вагоне маршала Фоша, в котором совершалась церемония подписания перемирия в 1918 году.

...Веяло теплом. С аэродрома в Ле-Бурже Пауль Пихт, прилетевший с генералом Удетом на парад по случаю победы над Францией, сразу же поехал в центр Парижа. Он оставил машину на набережной Сены, неподалеку от Эйфелевой башни. В Париже он был всего один раз, вскоре после войны в Испании. Но он так много знал об этом городе, что все казалось давно знакомым – и бесчисленные кафе, где беспечные и шумные французы проводили время за чашкой кофе или бутылкой дешевого кислого вина, и каштаны, посаженные вдоль широких тротуаров, и запах миндаля, и заводик великого авиатора Блерио на берегу Сены, и громадное подземелье Пантеона, освещенное голубым светом, с могилами Вольтера и Руссо, Робеспьера и Жореса, и собор Парижской богородицы с химерами, которые зло и печально смотрели с высоты на плотно текущую толпу.

Пихт всмотрелся в мелькающие лица. Нет, парижане остались парижанами. Война как будто прошла мимо них. Он вступил на подъемник Эйфелевой башни и приказал служителю поднять его наверх. Когда он сошел с лифта на балкон, то услышал вой высотных ветров. Парижское небо словно сердилось на чужаков из воинственной северной страны. Башня раскачивалась. Город и далекие окраины казались зыбкими, неустойчивыми, как и пол, исшарканный миллионами ног.

На верхний балкон башни поднялась группа офицеров. Среди них Пихт увидел Коссовски и начальника отдела

«Форшунгсамта» Эвальда фон Регенбаха.

– А где же ваш всемогущий шеф? – пожимая руку Пихта, проговорил Регенбах.

– Он уехал с Мильхом в штаб-квартиру фюрера.

– Разве фюрер уже в Париже?

– Нет, но его ждут с часу на час.

– Кстати, Пауль, – вмешался Коссовски, – ты не видел Вайдемана? Он тоже будет на параде. И Зейц.

– Вот уж действительно собираются старые друзья, – улыбнулся Пихт. – Ты где остановился?

– В «Тюдоре». Там отвели генерал-директору апартаменты.

– Вот как! – воскликнул Коссовски. – Мы тоже там остановились. И Вайдеман, и Зейц...

В небе слышался гул моторов. Над Парижем в сопровождении «мессершмиттов» пролетел трехмоторный «юнкерс». Он заложил вираж, сделал круг, словно накинув петлю на шумный и беспечный город. Это летел Гитлер.

– Скажите, Коссовски, что вы думаете об Удете и его окружении? – спросил Регенбах, когда Пихт, простившись, спустился вниз. – Кажется, генерал много пьет и заметно поглупел.

– При всей прямоте, даже пьяный, Удет не скажет и не сделает ничего компрометирующего. Он абсолютно лоялен.

– Может быть, может быть, капитан. Но меня интересует не генерал, а его умный адъютант. Вы, я заметил, лично зна-

комы с Пихтом? Расскажите мне о нем. Давно хотел порыться в картотеке, но сейчас решил, что ваш проницательный ум, Коссовски, откроет мне больше любых характеристик. Вы друзья?

– Мы встречались в Испании. Там Пихт воевал вместе с известными вам Мельдерсом и Вайдеманом. Там и удостоен. Железного креста.

– Храбро воевал?

– Не видел. Я ведь в боях не участвовал. А по их словам, они все орлы. Как вы заметили, Пихт исключительно приятный в общении человек. С теми, кто ему полезен. С посторонними и подчиненными он резок, даже, пожалуй, нагл.

Впрочем, наглость импонирует некоторым политикам, как развязность – дамам.

– Женат?

– Холост.

– Родители живы?

– Воспитанник сиротского дома в Бремене. Его родители погибли на пароходе «Витторио» в двадцать восьмом.

– Вы интересовались списками пассажиров?

– Конечно. Среди пассажиров были Якоб и Элеонора Пихты.

– С Удетом он познакомился в Испании?

– Нет. В Стокгольме, когда Удет был на гастролях в Швеции. Удет взял Пихта к себе механиком, ввел в клуб Лилиенталя и научил летать.

– Он хороший летчик?

– Его хвалил Вайдеман.

Регенбах рассмеялся:

– Лоялен?

– Безусловно. Партии обязан своей карьерой. И характер у него истинного наци. Ницшеанский тип, если хотите. Обо-
жает фюрера и поклоняется ему. На мой взгляд, искренне.
А почему бы нет?

Регенбах не ответил. Он задумчиво разглядывал Париж.
Вдруг он снова повернулся к Коссовски:

– Вы знаете о том, Зигфрид, как ловко Пихт топит Хейн-
келя? Хейнкеля не любит Гиммлер.

– Почему топит?

– Подслушанный мною разговор...

– Вы считаете, Пихт работает на гестапо?

– Я спрашиваю вас.

– Ну что ж, коль скоро он не работает на нас, должен же
он на кого-то работать. Ведь кто-то приставил его к Удету.

– Вы мудры, Зигфрид. Но ведь мог бы он работать и на
нас. Не правда ли? Как часто вы с ним встречаетесь?

– У нас мало общих знакомых, – ответил Коссовски.

– Напрасно. Таких людей не следует выпускать из поля
зрения.

Коссовски вспомнил, как совсем зеленым предстал перед
ним Пихт в Испании. Нечто вроде близости даже возник-
ло потом. Но после случая с полковником Штейнертом –

связным адмирала Канариса – дружба как-то расклеилась. «Штейнерт, Штейнерт, царство тебе небесное...»

Пихт увидел Вайдемана на параде в честь победы над Францией. Вечером они договорились встретиться в «Карусели». В этом фешенебельном ресторане немецкие офицеры чувствовали себя довольно уютно. Чужих туда не пускали. Скандалов не было. Вайдеман уже неделю жил Парижем, и в «Карусели» его знали все, и он знал всех.

И Вайдеман, и Пихт обрадовались встрече. В последние месяцы (что не месяц, то новая война!) им было не до переписки. На письмо Пихта, полученное в Голландии, Вайдеман так и не собрался ответить.

– Что-то тогда стряслось, Пауль. Какая-то малоприятная история, – на лбу Вайдемана собрались рядами морщины.

Ширококостный, чуть косолапый, с толстой багровой шей и опущенной головой, отчего создавалось впечатление, будто он собирается боднуть собеседника, Вайдеман походил на молодого быка, еще не достигшего зрелости.

Пихт за годы, проведенные в Швеции и Испании, хорошо изучил его достоинства и недостатки. Он знал, что Альберт был лукав, но справедлив; силен, но мягок; вспыльчив, но отходчив. В свои двадцать шесть лет он довольно легко добился приличного чина. Начальство знало его как энергичного офицера, подчиненные уважали за то, что Вайдеман мог кричать, бить кулаками по столу, сажать на гауптвахту, но стоило кому-либо из вышестоящих командиров высказать недо-

вольствие его подчиненными, как Альберт горой становился на их защиту. Об авиагруппе, которой он командовал после Польши и Голландии, прочно укрепилось мнение, как о самой отчаянной, готовой на все.

– Черт возьми, действительно я забыл, что тогда стряслось! – хлопнул себя по лбу Вайдеман.

– Да брось ты вспоминать! Не все ли равно?! Ну, закрутился с какой-нибудь прекрасной цветочницей. Выпьем, Альберт, за тюльпаны Голландии! За желтые тюльпаны Голландии! – Пихт уже был заметно навеселе.

– Нет, Пауль, подожди. Я вспомнил! Это были не тюльпаны. Красные маки. Целое поле красных маков. И оттуда стреляли.

– Война, – лаконично заметил Пихт.

– Нет, не война, Пауль. На войне стреляют люди. А стреляли не люди. Красные маки. Там больше никого не было. Мы прочесали все поле, Пауль. Стреляли красные маки!

– Выпьем за красные маки!

– Подожди, Пауль. Они ранили генерала Штудента. В голову. Он чудом остался жив. И я чудом остался жив. Я стоял от него на шаг сзади. Клемп стоял дальше, и его убили.

– Выпьем за Клемпа! Зря убили Клемпа! Дурак он был, твой Клемп. Ему бы жить и жить.

– Пауль, ты знаешь меня. Я не боюсь смерти. Я ее навиделся. Но я не хочу такой смерти. Пуля неизвестно от кого. Чужая пуля. Не в меня посланная. Может, я просто устал, Па-

уль? Третья кампания за год, – Вайдеман слегка наклонился к Пихту, стараясь поймать выражение его светлых глаз, но тот смотрел на сцену, на кривляющегося перед микрофоном известного шансонье.

Подергивая тощими ногами, тот пел по-французски немецкую солдатскую песню:

– «Мир сед, мир дряхл, раскроим всем черепа. Шагай бодрей, Рахт, девчонки ждут тебя...»

– Слушай, Пауль, – Вайдеман понизил голос. – Зейц теперь служит у Мессершмитта?

– Именно. Но не у Мессершмитта. У Гиммлера. Он отвечает за секретность работ. А на черта тебе сдался Зейц?

– Не кажется ли тебе, что я прирожденный летчик-испытатель?

Пихт отвернулся от сцены, заинтересованно поглядел на Вайдемана:

– Ай, Альберт, какой позор! Тебе захотелось в тыл. Поздравляю!

– Да ты что, Пауль! – вспылil Вайдеман.

– Я пошутил, полигон тоже не сахар, и хорошие летчики там нужны... Но Зейц тебе не поможет. Мессершмитт его не очень жалует.

– Значит, пустое дело?

– С Зейцем пустое. Но почему бы тебе не попросить об этой маленькой услуге своего старого друга Пихта? Пихт не такая уж пешка в Берлине.

– Пауль!

– Заказывай шампанское и считай, что с фронтом покончено. Завтра я познакомлю тебя с Удетом, и пиши рапорт о переводе. Я сам отвезу тебя в Аугсбург. Только допьём сначала, старый дезертир!

Вайдемана передернуло:

– Если ты считаешь...

– Брось сердиться, Альберт. Я же сам стал тыловой крысой. И если тебя тянет в Германию, то меня порой тянет на фронт. Хочется дела, Альберт. Настоящего дела! – Пихт встал, его заносило. – Выпьем за настоящее дело! За настоящую войну, черт возьми!

Когда Пихт сел, Вайдеман снова потянулся к нему:

– Пауль, а тогда, в последние дни Испании, ты знал, что Зейц работает на гестапо?

– И в мыслях не держал.

– Вот и я тоже.

– Только однажды, – пьяно ворочая языком, проговорил Пихт, – произошла одна штука. Но тебя, к счастью, она не коснулась. Ты был на другом аэродроме. Она коснулась Зейца, меня и Коссовски...

– А вот кстати и они, – сказал Вайдеман, пытаясь подняться навстречу Зейцу и Коссовски.

Высокий и худой Коссовеки был в форме офицера люфтваффе, Зейц – в штатском.

– Чудесный ресторанчик, – рассмеялся Зейц, наливая

рюмки. – И прекрасно, что сюда не шляются французы.

– Хорошо бы нам остановиться на Франции, – задумчиво проговорил Коссовски, рассматривая на свет игристое вино. – Нас, немцев, всегда заводит хмель побед так же далеко, как это шампанское.

– Нет, фюрер не остановится на полпути! – ударил кулаком Зейц.

– Значит, «идем войной на Англию, скачем на Восток», – напомнил Коссовски нацистскую песенку и осушил бокал.

– Сила через радость – так думает фюрер, так думаем мы, – Зейц поднял бокал.

– Я вспомнил оду в честь Вестфальского мира, – не обращая внимания на Зейца, продолжал Коссовски. – Пауль Гергардт написал о наших воинственных предках и господе боге вскоре после Тридцатилетней войны, кажется, так:

Он пощадил неправых,
От кары грешных спас:
Ведь хмель побед кровавых
Доныне бродит в нас...

Вдруг внимание Коссовски привлек невысокий молодой человек с иссиня-черными волосами. Высоко над головой он держал поднос и быстро шел через зал, направляясь к их столику. В этом углу за колоннами сидели только они – Коссовски, Пихт, Зейц и Вайдeman, но обслуживал их другой официант.

Гарсон, пританцовывая, пел себе под нос какую-то песенку. «Очень невесело в Дижоне», – кажется, эти слова разлил Коссовски.

– Простите, господа, – изогнулся в поклоне официант. – Директор просит вас принять в подарок это вино. Из Дижона. Мы получили его в марте, а вы пришли в мае, и, кроме вас, никто не оценит его божественного букета.

Коссовски взял бутылку из старого толстого стекла. На пробке еще остались следы плесени – плесени 1910 года, года его первой любви. Прочитал этикетку.

– Да, это вино выдержано в Дижоне, – сказал он и передал бутылку Пихту.

Тот посмотрел бутылку на свет. Вино было темно-бордовым, почти черным.

– Тридцатилетней выдержки, господа!

– Передайте директору нашу благодарность, – проговорил Пихт и сердито начал разливать вино по рюмкам.

Утром в отеле «Тюдор» он поймал себя на том, что думает по-русски. В первую минуту это огорчило его. Никаких уступок памяти, – так можно провалиться на пустяке! Но чем меньше оставалось времени до назначенного часа, тем слабее он сопротивлялся волне нахлынувших воспоминаний, далеких тревог и забот.

Машинально он завязал галстук, одернул новенький пиджак.

«Как же скверно вчера сработал Виктор с этой дарствен-

ной бутылкой вина!.. Он мог бы найти менее рискованный путь предупредить меня... Или уже не мог? Он боялся, что я пойду на первую явку и провалюсь... „Очень невесело в Дижоне“. „Очень невесело в Дижоне“... Хорош бы я был...»

Никогда еще нервы его не были так возбуждены, мысли так непокорны, движения безотчетны.

«Хорошеньким же птенцом я окажусь... Взять себя в руки! Взять! Я приказываю!»

Глядя на себя в зеркало, он пытался погасить в глазах тревогу.

– А штатское вам идет, – сказала, кокетливо улыбаясь, горничная.

«Врет, дура, врет».

Он механически коснулся ее круглого подбородка.

– Штатское мне не идет. А идут серебряные погоны. Откуда ты знаешь немецкий?

– Я немка и здесь исполняю свой долг.

Он отвернулся, снова уставился в зеркало, чтобы увериться в своем нынешнем облике, чтобы отвязаться от назойливой мысли, что вот сейчас он выйдет, бесповоротно выйдет из роли.

«Пятая колонна, проклятая пятая колонна...»

– Жених на родине?

– Убили его партизаны в Норвегии. Перед смертью он прислал открытку. Вот поглядите, – горничная из-под фарта достала чуть смятую картонную карточку, изображав-

шую королевский дворец в Осло – приземистый замок из старого красного кирпича и посеребренные краской сосны.

Почему-то эта фотография помогла ему взять себя в руки.

– Не горюй, женихов на фронте много. Всех не убьют. Париж взяли, скоро войне конец.

– Не надо меня утешать. Я-то знаю, война только начинается. Скоро мы, немцы, пойдем на Восток!

– Ух, какая ты воинственная! – сказал он и направился к двери.

Он взял такси и попросил отвезти себя в Версаль. Но на полдороге вышел у ювелирного магазина, долго стоял у прилавка, любуясь камнями и колеблясь в выборе. Выбрал наконец камею на розоватом сердолике.

– Одобряю выбор, мосье. У вас хороший вкус. Невеста будет довольна, – затараторил чернявый бижутьер.

«Почему невеста? Почему не жена?» – удивился он галантной проницательности продавца.

Он сказал шоферу, что раздумал посмотреть Версаль и хочет вернуться в Париж.

Через час он стоял перед домом на бульваре Мадлен. Здесь была вторая явка. Последняя. Он еще раз прошелся по бульвару, терпеливо оценивая прохожих, и вошел в подъезд.

Третий этаж. Бесшумно открывается дверь.

– Господин де Сьерра!

«Зяблов, это же Зяблов! Живой, всамделишный Зяблов!»

– Прошу вас, – господин де Сьерра подвел гостя к двери

в другую комнату и тихо, но ошутимо сжал его плечо...

– Ну, здравствуй, Март, рад видеть тебя живым, – проговорил де Сьерра, когда они вошли.

– Здравствуйте, Директор, – сказал он по-русски и подумал, что эта небольшая передышка, пожалуй, окажется экзаменом более строгим и жестоким, чем все перенесенные испытания. И вовсе не важно, что Зяблов – учитель по спецшколе и командир – зовется сейчас Директором, а он, Мартынов, – Мартом.

Он не слышал родного языка много лет, он не видел родного лица много лет и не получал из дома писем много лет. А это слишком тяжело...

– Вам известно, как Виктор предупредил меня в «Карусели»? – спросил Март.

– Да. Но другая явка провалена, и Виктору пришлось рисковать...

– Вы знаете, что война идет к нашим границам?

– Спокойно, Март, – проговорил Зяблов. – Слушай меня внимательно, времени у нас мало... Итак, будем считать, что первая часть задания выполнена тобой образцово. Крыша у тебя надежная. О твоём отчете по Испании в Центре знают. Твои сообщения о новых видах оружия нельзя недооценивать. Все, что тебе удастся узнать в этом плане, держи особом. Но никакого риска. Всякая мало – мальски рискованная операция сейчас, когда с Германией заключен пакт о ненападении, абсолютно исключается.

– Да ведь фашисты теперь бросятся на нас!

– Хочешь знать мое личное мнение – слушай. Да, война приближается к нашим границам. Близится решающая схватка. Кроме нас, шею Гитлеру никто не свернет. Это нам обоим ясно. И не только нам. А значит? Мы должны находиться в состоянии полной боевой готовности. И поэтому не имеем права рисковать ни одним человеком! Во время войны он будет во сто раз полезнее.

– Нас мало.

– Этого ты не знаешь. А может, и я не знаю. Но не забывай: за коммунистов голосовало пять миллионов немцев. Это враги нацизма. Это твои союзники, твоя опора. Когда наступит время, они придут тебе на помощь. Но пока работай в одном канале – люфтваффе. Новые самолеты, новые моторы, новое вооружение. Сконцентрируйся на Аугсбурге, наиболее перспективном центре авиастроения. Мы подберем там тебе помощника. Когда начнется война, выйдешь на связь с Перро. Но только один раз. Ты встретишься с ним в Тиргартене на третий день войны, на пятой аллее слева от центрального входа в семь вечера. Имей при себе свежий номер «Франкфурте цайтунг». В разговоре упомянешь дядюшку Клауса. Но сначала спросишь: «Можно разделить компанию?» Перро пожмет плечами и ответит: «Ну, если вас тяготит одиночество»... У Перро будет программа берлинского ипподрома. Подчеркнута третья лошадь в четвертом заезде. В письме Директора, написанном тайнописью, найдешь ин-

струкции. Получишь также пакет с кодом, частотами и расписанием сеансов. Остальное – по обстановке. Действуй самостоятельно. Перро – надежный человек. Он ненавидит фашистов, как и мы. Место, где будет спрятан передатчик, знает Перро. Ясно?

– Да.

– Хорошо, Март, – Зяблов встал. – Командирован ты, считай, до дня победы. Дату поставишь сам. Верю – увидимся. Самый никудышный разведчик – мертвый разведчик. Ты нам нужен живой.

– Вы считаете меня школьником...

– Обязан сказать. Ну, хватит. Вот тебе письмо от ребят. Спокойно! Мешать не буду, вернусь через час. И, не обижайся, сам ничего не сжигай, я уж за тебя покочегарю...

Когда Март снова появился на улице, солнце садилось. Весь вечер он бродил по городу. «Бош! Бош! Бош! Победитель в стране поверженных».

В темно-синем безоблачном небе по гирляндам опознавательных огней угадывалась Эйфелева башня. Париж бесстрастно отдавал победителям свои огни, свои запахи, свою неповторимость. Под Триумфальной аркой, не затухая, плескался скорбный огонь на могиле Неизвестного солдата. И рядом на карауле, ноги врозь, под сверкающей каской – неживое лицо, стоял, сторожа его, пленного, коричнево – рыжий в рекламном зареве солдат фатерланда.

Площадь Звезды... Расходятся, разбегаются асфальтовые

лучи... И один луч, пересекая Германию, пересекая всю Европу, тянется к России, к Москве, на Красную площадь.

Март пошел на восток по бульвару Гюисманса. Пошел навстречу своим, ожидая их, воюя рядом с ними. Так, навстречу своим, он будет идти всю войну...

Глава четвертая. Прекрасная Эрика и Рюбецаль

Осенью 1940 и зимой 1941 годов в войне наступило затишье. Солдаты вермахта и люфтваффе отдыхали. Ремонтировались танки, самолеты и пушки. Только генералы не знали покоя. Они разрабатывали новые планы. Один из них носил название «Морской лев» («Зеелеве»). В нем предусматривался захват Британских островов.

Уже печатались на немецком и английском языках распоряжения будущей оккупационной армии, планировалось строительство концентрационных лагерей.

Создавалось даже специальное десантное соединение под командованием гауптштурмфюрера СС Отто Бегуса. Оно должно было захватить Букингемский дворец и пленить королевскую семью. Вместо арестованного Георга VI Гитлер собирался посадить на престол своего кандидата – герцога Виндзорского.

Некоторые политические деятели Англии уже собирались эвакуироваться в Канаду.

Но Гитлер и его штаб задумались о дне Икс. Разгром Великобритании, предполагал Гитлер, скорее будет на руку США и Японии, которые растащат империю Альбиона по кускам, пока Германия будет воевать в Европе. Своими раз-

думьями Гитлер как-то поделился с Муссолини: «Мы в положении человека, у которого в винтовке один патрон».

Этот патрон он предназначил Советскому Союзу.

По утрам оберштурмфюрер Вальтер Зейц настраивал себя на такие мысли и поступки, которые были присущи только должностному лицу. Даже поиски невесты он рассматривал как сугубо служебное дело.

Рабочий день его начинался кропотливым разбором почты. Самому Зейцу мало кто писал: родных не осталось, берлинские приятели не вспоминали о нем... Мешок писем и бандеролей приносил ежедневно одноглазый солдат из военной цензуры. Осуществляя негласный надзор за душами служащих Мессершмитта, Зейц был в курсе многих глубоко интимных дел жителей Лехфельда. По утрам он подыскивал себе невесту. Просмотр корреспонденции лехфельдских девиц заметно сузил круг претенденток. Все чаще его внимание задерживалось на письмах Эрики Зандлер.

Дочь профессора вела исключительно деловую переписку: обменивалась опытом с активистками Объединения немецких женщин. Среди ее корреспонденток была сама фрау Шольц – Клинк, первая женщина Новой Германии. Из писем явствовало, что фрейлейн Эрика готовит себя в образцовые подруги истинного рыцаря Третьего рейха.

Личные наблюдения еще более расположили Зейца к Эрике. Будущая невеста была пышна, строга, выдержана в лучших эталонах арийской красоты.

Зейц уже предпринял ряд шагов к сближению с прекрасной Эрикой. Он буквально вынудил профессора пригласить его к себе в дом, зная, что Зандлер испытывал перед гестаповцем непоборимую робость. Зейц не помнил случая, чтобы его ученый коллега хоть раз осмелился взглянуть ему в глаза. Он снова и снова возвращался к профессорскому до-сье. Нет, у Зандлера не было абсолютно никаких причин тревожиться за свое прошлое. У него даже были заслуги перед фюрером: он был одним из первых конструкторов Мессершмитта, вступивших в нацистскую партию. Его партийный формуляр отличался исключительной аккуратностью, свидетельствовал о безупречном выполнении всех партийных распоряжений.

«Поведение на службе и вне службы – корректен, безупречен.

Денежные дела – долгов не имеет.

Личные качества – мало активен, выдержан, целеустремлен.

Душевная бодрость – выражена слабо.

Мировоззрение – здоровое».

И так далее.

Никого, кроме сослуживцев, профессор не принимал, ни с кем не переписывался... Что это? Страх? Антипатия? Глубокое подполье? Нет, для подпольщика он трусоват. Во всяком случае, Зейц был уверен, что стоит как следует нажать на профессора, и он расползется студнем...

К сожалению, Зандлер и дома оставался таким же бесхребетным существом. Отцовская власть не отличалась деспотизмом. Главе семьи разрешалось обожать свою Эрику. Не больше. Дочь с пятнадцати лет росла без матери и если кому доверялась, то разве что секретарше Ютте, девице, на взгляд Зейца, малопривлекательной, к тому же излишне острой на язык. Своенравная Эрика возвела Ютту в сан домашней подруги и наперсницы. Эта «кукольная демократия» особенно злила Зейца, когда перед посещением дома Зандлера он покупал в кондитерской не одну, а две коробки конфет. Но что делать! Претендент на руку прекрасной Эрики должен покорить сразу два сердца.

Машинально сортируя конверты, Зейц думал о том, что стоило бы сегодня вечером намекнуть Ютте на солидное вознаграждение в случае удачного сватовства. Неплохо бы и припугнуть девчонку. Кстати, при умелой обработке можно было бы использовать ее и для слежки за домом Зандлера. Мало ли что... Уж больно пуглив этот профессор. Из его бюро давненько не поступало заявок – на обеспечение секретности испытаний. Чем они только там занимаются?

Какую чепуху пишут люди друг другу! Находят время на всякий вздор. Натренированный глаз Зейца, равнодушно прочитывающий письмо за письмом, вдруг зацепился за нужный адрес. Фрейлейн Ютте Хайдте пишут из Берлина. Любопытно!

Ну конечно, тетя! Кто же еще? Отчего бы бедной девуш-

ке не иметь в Берлине такую же бедную тетю? Тетя Хайдте обеспокоена здоровьем своей крошки и просит ее не забыть день памяти бедного дядюшки Клауса, который очень ее любил и всегда читал ей сказки о Рюбецале, гордом и справедливым духе. Маленькая Ютта, оказывается, горько плакала, слушая эту сентиментальную размазню! Рюбецаль! Уж сегодня из фрейлейн Ютты слезы не выжмешь. Разве что ему самому взяться за это дело? Рюбецаль, Рюбецаль!.. Надо будет заняться племянницей. Рюбецаль! Лезет же в голову всякая дрянь!..

Зазвонил телефон. Говорил секретарь Мессершмитта. Шеф приглашал к себе. Зейц подобрался. Подобные приглашения случались не часто. За полтора года службы Зейц так и не уяснил себе истинного отношения к нему шефа. Мессершмитт всегда принимал и выслушивал его с исключительно серьезным, деловым видом. Ни проблеска улыбки. Эта-то серьезность по отношению к довольно мелким делам, о которых был вынужден докладывать Зейц, и заставляла его подозревать, что шеф просто издевается над ним, по-своему мстит за то, что не может ни уволить его, ни заменить, ни тем более ликвидировать его должность. Между тем за полтора года Зейцу так и не представилось случая доказать свое рвение. В тщательно отлаженном механизме фирмы он казался ненужным колесом. Всех недругов, как явных, так и тайных, Мессершмитт выгнал задолго до появления Зейца в Лехфельде. Случаев саботажа и диверсий не было. За поли-

тическим настроением служащих следил, опять же помимо Зейца, специальный контингент тайных доносчиков. Взять контроль над ними Зейцу не удалось, и он начал исподволь плести свою сеть осведомителей. Из Берлина штандартен-фюрер Клейн регулярно высылал выплатную ведомость на агентуру. И хотя Зейц давно привык считать особый фонд своей добавочной рентой, список завербованных на случай ревизии должен быть наготове. Каждый раз перед тем как идти к шефу Зейц на всякий случай пробежал список глазами. Кадры надо знать.

В кабинете Мессершмитта Зейц неожиданно увидел старых знакомых – Пауля Пихта и Альберта Вайдемана.

Мессершмитт всем корпусом повернулся навстречу Вейцу. Как видно, он только что закончил демонстрацию своей победоносной панорамы.

– Господин Зейц, насколько я понимаю, нет необходимости знакомить вас с нашим новым служащим капитаном Вайдеманом. Я полагаю, вы знакомы и с лейтенантом Пихтом, который, увы, никак не соглашается отказаться от берлинской суеты ради наших мирных сельских красот. Я попрошу вас, обер-штурмфюрер, взять на себя, неофициально, конечно, опеку над своими друзьями. Господину капитану не терпится взглянуть на нашу площадку в Лехфельде. Господин лейтенант также выражает желание совершить загородную прогулку. Поезжайте с ними. Кстати, представьте господина Вайдемана господину Зандлеру. Капитан прикреплен в

качестве ведущего летчика-испытателя к конструкторскому бюро Зандлера.

– Простите. Разве господин Зандлер делает самолеты? Что-то я не видел его продукцию.

– Увидите, Зейц. Увидите. За полтора года вы могли бы заметить, что мои заводы делают самолеты и только самолеты. И все мои служащие заняты исключительно этим высокопатриотическим делом. Господин Вайдеман, господин Пихт, буду счастлив видеть вас у себя...

В машине было душно. Вайдеман опустил стекло, подставил голову под прохладную струю ветра. С шелестом взлетали прошлогодние листья.

«Расцветает, расцветает, и сильнее солнце греет, но не знает, но не знает, что весной воздух веет...» Этот пустой детский стишок вдруг развеселил Вайдемана.

– А ведь хорошо, друзья! – воскликнул он.

– Великолепно! – поддержал Зейц.

– Сентиментальный бред, – отозвался Пихт.

Вайдеман обиженно замолчал. Мимо проплывали холмистые дали, темные буковые и дубовые леса. Мелькали деревушки – в палисадниках дремали домики, придавленные черепичными крышами; сонные коровы брели по асфальтированным улочкам, так же сонно били в колокол кирхи, и крестьяне лениво убрали навоз...

Посреди деревень на площади стояли увитые лентами столбы – «Майское дерево». «По дедовским заветам, стою на

месте этом, в честь наших девушек и жен, в знак дружбы до конца времен, чтоб жили мы семьей одной, верны Баварии родной...»

– Здесь есть любопытный обычай испытывать силу и ловкость, – сказал Зейц. – Кто заберется по такому столбу, тот получит награду – кофейник или кастрюлю, а если смельчак достигнет самой верхушки, заработает сапоги.

По окраинам городков и деревень к часовенкам лепились кладбища – над строем крестов возвышались монументальные памятники воинам, погибшим на полях сражений, «умершим для того, чтобы жила Германия»...

«Все складывается как нельзя лучше. Главное – обжить-ся. – Вайдеман покосился на Пихта. – Зачем он дразнит Зейца?»

– ...А тебе бы надо подумать об этом, Вальтер, – донеслось до него. – Здесь, в добрых старых пивных этих девушек, рождалось наше движение... Почаще вспоминай об этом...

«Какие пивные? А – а, вот он о чем...»

Машина шла мимо старинного высокого здания из красного кирпича, увитого до крыши плющом и виноградником. Над аркой висела декоративная бутылка вина с вывеской: «Спеши на огонек».

– Остановимся? – предложил Пихт.

– Надо спешить, – сказал Вайдеман.

– Ну, черт с вами, – махнул рукой Пихт и снова вцепился

в Зейца. – И вообще, Вальтер, по старой дружбе скажу, что дела у тебя здесь незавидные. Ты политический руководитель, а Мессершмитт играет тобой, как кот мышкой... Нет, нет, не отрицай! Не с него, а с тебя спросят, как выполняют-ся приказы фюрера.

– Я лучше тебя разбираюсь в своих делах!

– Успокаивай себя, Вальтер, успокаивай... Но если вдруг Мессершмитт поскользнется, он свалит всю вину на тебя и глазом не моргнет.

– Я не хочу говорить об этом! – не выдержал Зейц и так крутнул баранку, что «мерседес», рванув в сторону, с визгом пронесся по обочине.

– Ты ни черта не знаешь, что творится у тебя под носом. Чем занят сейчас Мессершмитт?

– Он делает самолеты.

– Он пытается модифицировать свою единственно удачную, но безнадежно устаревающую модель, как пожилая модница свое последнее платье. А между прочим, сидящий рядом со мной капитан Вайдеман будет заниматься совсем другим.

– Чем же? – заинтересовался Вайдеман.

– А разве Зейц тебе ничего не объяснил? – лукаво спросил Пихт, поглядев в красный затылок коротко остриженно-го Зейца.

– Откуда мне знать, чем занимается этот старый бобер Зандлер, – буркнул оберштурмфюрер.

– Вот об этом я тебе и толкую, Вальтер... Ты, Альберт, будешь иметь дело с новыми реактивными самолетами. Дело это пустое, но рискованное. Хейнкель уже обжегся на нем.

– Объясни толком, Пауль! Ни Мессершмитт, ни Зейц ничего об этом не говорили.

– Тебе, очевидно, расскажет тот, кто непосредственно занимается этими самолетами, – Зандлер... Я же немного знаю. Известно только, что они дьявольски быстроходны. У них нет винта. Вместо винта развивают тягу и несут самолет вперед реактивные двигатели... Когда пушка стреляет, ствол откатывается назад...

– Третий закон механики...

– Вот-вот. Машина с реактивным двигателем может достигнуть даже звуковой скорости! Хейнкель первым сделал такую штуку, но его испытатель Варзиц наложил в штаны, когда самолетик непроизвольно втянуло в пике и затрясло, как пневматический молоток.

– Что с ним произошло?

– Он попал во флаттер... Ну, да ты с этим флаттером еще встретишься.

– А Варзиц погиб?

– Пока нет. В тот раз он выкрутился. Ему удалось выпрыгнуть с парашютом... Так вот, после Хейнкеля за эти самые реактивные штучки взялся Мессершмитт... – Пихт снова посмотрел на багровую шею Зейца и добавил громче. – Но у Мессершмитта есть такой олух, как Зейц, и ему все сходит

с рук.

Зейц заерзал на сиденье.

– Ты не нападай на Вальтера, – сказал Вайдеман примирительно. – Ну, что сделает Вальтер в своем положении? Мессершмитт вхож к самому фюреру, а Удет ему первый друг.

– Ошибаешься, Альберт, – скрипнул зубами Зейц. – Я могу сделать то, что и Пихту не снится.

«Мерседес» вылетел на развилку. На левой стрелке указателя было написано: «Дахау», на правой – «Лехфельд». Зейц свернул вправо. Дорога нырнула в буковый лес. Промелькнул позеленевший от мха замок с затянутым ряской болотцем, через который был переброшен полукруглый каменный мостик. Блеснула вывеска: «Добрый уют».

– Когда-то в подвалах таких развалин мастера ковали доспехи для рыцарей, – проговорил Пихт.

– Один Лоренц Хельмшмидт чего стоит! – добавил Зейц, стараясь примириться с Пихтом.

– Кто этот парень? – спросил Вайдеман.

– Он ковал великолепные латы, – сказал Зейц. – Экстра-класс! Их не могли сравнить ни с нюрнбергскими, ни с венскими, ни с итальянскими.

– А Лоренц Розенбаум?!

– Это был гений! Как прелестна его «Юдифь»! Тончайшая работа! – Зейц на мгновение повернулся к Вайдеману. – Он ее выбил на медали лучше этого маляра – итальяшки Кафельфранко, Альберт. Да, на аугсбургской земле всегда на-

ходились умельцы. Раньше ковали латы, теперь самолеты...

Из полусумрака леса машина выбежала на равнину. Впереди острыми зубьями крыш краснел Лехфельд. Но первое, что бросилось в глаза Вайдеману, было кладбище. Огромное кладбище, как бы выставленное напоказ. Рядом с белыми каменными крестами стояли самолетные винты, указывающие на принадлежность усопших к авиации. Вайдеман с опаской покосился на эти могилы, что ускользнуло от глаз Пихта. Паль похлопал его по плечу:

– Это неудачники, Альберт... А нам пока везет.

Зейц свернул к авиагородку, застроенному однотипными домиками. Только несколько особняков нарушали однообразие. Сам аэродром был огорожен с фасада кирпичной стеной. Солдат у проходной беспрепятственно пропустил машину Зейца. «Мерседес» подкатил к бетонному одноэтажному зданию с маленькими, словно бойницы, окнами. У входа стоял часовой. Увидев офицеров, он бойко вскинул винтовку «на караул».

Вайдеман, выпрямившись, шагнул вслед за Зейцем. «Ну, теперь держись, раб божий!»

Все трое прошли по темному коридору в самый конец и открыли тяжелую, обитую кожей дверь. Первое, что почувствовал Вайдеман, – это был тяжелый запах прокуренного кабинета.

– Вы поторопились, господа. Похвально, – сказал Зандлер.

Вайдеман почувствовал, как сухая рука Зандлера стиснула его руку, а выцветшие светлые глаза вонзились в его лицо.

«Вот кому я доверю свою судьбу».

– Вам, капитан, сейчас придется позаниматься. Вы должны изучить совершенно новые области аэродинамики и устройства самолета, на котором будете летать. Время у вас пока есть.

– Не совсем понимаю вас, профессор.

– Потом поймете. – Зандлер положил руку на мускулистое плечо Вайдемана.

– Вам не терпится поглядеть на самолет? Идемте.

Профессор повел гостей в ангар, охраняемый двумя солдатами.

– Обождите меня здесь.

Вайдеман, Пихт и Зейц остановились у входа. Зандлер приказал снять чехлы, потом подошел к распределительному щитку и включил рубильник. Яркий свет залил ангар. У Вайдемана перехватило дыхание – в центре ангара на высоко поднятых шасси стоял серебристый самолет.

– Вот он, «Штурмфогель», – торжественно объявил Зандлер, и металлическое эхо прокатилось по ангару.

Крылья «Штурмфогеля» уходили назад. Акулоподобный нос как бы рассекал воздух. Фонарь плавно закруглялся, так что летчик хорошо мог просматривать и переднюю и заднюю полусферы.

Зандлер любовно провел рукой по отглаженному, с зато-

ченными заклепками крылу самолета.

— Как видите, «Штурмфогель» создан для большой скорости. Стабилизатор поднят, чтобы не попадал под горячие струи двигателя. Киль, как и крылья, скошен назад для уменьшения лобового сопротивления воздуха. Корпус машины — планер — готов выдержать скорости, близкие к звуковым, а также перегрузки, которые могут возникнуть при флаттере или при выходе машины из пике.

Вайдеман поднялся по стремянке, открыл фонарь и опустился на прохладное твердое сиденье. Яркие зеленые стрелки мерцали на черных циферблатах приборов. Высотомер, компас, радиокompас, указатель скорости, счетчик боезапаса... Все на месте. Но где указатели работы двигателей? Ага, вот они... Но совсем не похожи на те, что привык он видеть на винтомоторных машинах. Вместо сложной системы секторов с рукоятками шага винта, газа и качества топливной смеси здесь был только один легко передвигающийся рычаг подачи топлива. А работа двигателей контролировалась указателями температуры газов за турбинами, маметром и керосиномером.

Ногой Вайдеман надавил педаль — она послушно подавалась. Покачал ручку управления — на концах крыльев колыхнулись элероны...

— Хорош «Штурмфогель»! Пора посмотреть его в воздухе. За чем же задержка, профессор?

Зандлер похлопал рукой по обтекателю двигателя. Гулко,

как бочка, отозвалась пустота.

– Нет моторов, капитан. Они нас чертовски держат...

Да, двигатели сильно задерживали работу Зандлера над «Штурмфогелем». Это была ахиллесова пята новой реактивной авиации. Десятки экспериментальных моторов, закупленных в различных фирмах, разлетались в прах на испытаниях. Инженеры искали надежный металл и горючее. Искали и гибли, как погиб Макс Валье, опробуя ракетные автомобили и дрезины, как взорвался вместе с лабораторией и лаборантами университетский друг Зандлера Тиллинг во время опытов с горючим.

Двигатель Охайна, рассчитанный на тягу 1120 килограммов, как и предполагал Зандлер, Мессершмитту заполучить не удалось. Хейнкель просто-напросто отказался его продать. Кто-то в Берлине, скорее всего в управлении вооружений Удета, вставлял палки в колеса.

Между прочим, это обстоятельство настораживало Зандлера. Профессор замечал, что, когда у Хейнкеля обозначался успех, кто-то умышленно тормозил его работу; когда ладилось дело у Мессершмитта, вредили Мессершмитту. Возможно, повинны в этом были сами конструкторы, ведущие между собой давнюю конкурентную борьбу. Возможно, кто-то другой был заинтересован в задержке работ над новыми типами самолетов и двигателей, игнорируя интересы рейха.

Но Зандлер строил только догадки. У него не было доказательств, и потому он молчал.

На фирме «Юнкерс» проектировал двигатель доктор Франц. Он рассчитывал его на тягу 600 килограммов при скорости полета 900 километров в час и на горючее – дешевое дизельное топливо.

Пока Франц строил свой двигатель 109–004, Мессершмитт приказал поставить на «Штурмфогель» двигатели фирмы «БМВ». Они делались в Шпандау. Их привезли в Лехфельд, на стендах замеры тягу. Получилось 260 килограммов.

Зандлер сообщил об этом шефу по телефону.

– Да это же примус, черт возьми! – выругался Мессершмитт.

– Я не могу рисковать планером, устанавливая на него двигатели «БМВ», – сказал Зандлер.

Мессершмитт задумался. Видно, какое-то обстоятельство его сильно торопило.

– Нет, профессор, вы должны поставить их на «Штурмфогель».

– «Штурмфогель» не взлетит!

– Должен взлететь! Новая авиация упрямо стучит в двери, Иоганн, и нам надо спешить, каких бы забот это ни стоило.

– Я не могу рисковать, – упрямо проговорил Зандлер.

– Слушайте меня внимательно, профессор. (Зандлер уловил в голосе шефа железные нотки.) Делайте три модели планера. Две мы развалим на этих движках, третью сбережем для двигателей Франца – должен же он когда-нибудь постро-

ить их!..

Зандлеру ничего не оставалось, как подчиниться. Испытателем «Штурмфогеля» с двигателями «БМВ» он назначил нового летчика – капитана Вайдемана.

Было еще темно и очень холодно, когда Вайдеман в сопровождении техника и дублера выехал к самолету. «Штурмфогель» стоял в самом конце взлетной полосы. Возле него возились инженеры и механики с отвертками, ключами, измерительными приборами.

– Как заправка, Карл?

– Полностью, господин капитан, – ответил Гехорсман, вылезая из-под мотора.

Вайдеман не спеша надел парашют, подогнал ремни и залез в кабину. За время, проведенное в Лехфельде, он изучил каждую кнопку, переключатель, винтик и мог отыскать их с закрытыми глазами. Днями просиживая в кабине, он мысленно представлял полет, почти до автоматизма отрабатывал свои действия в любой сложной ситуации. Но сейчас, когда, удобно устроившись в кабине, он взялся за ручку управления машины, то почувствовал неприятную дрожь в пальцах. Тогда Вайдеман опустил руки и несколько раз глубоко вздохнул – это всегда помогало успокоиться.

«Не валяй дурака, представь, что ты на привычном „Ме-109“. Представил? Отлично».

Он включил рацию и в наушниках услышал близкое дыхание Зандлера.

– Я «Штурмфогель», к полету готов, – сказал Вайдеман.

– Хорошо, Альберт. Итак, задача у вас одна – взлететь и сесть. Не вздумайте только делать что-нибудь еще.

– Понимаю.

– И внимательно следите за приборами. Запоминайте малейшие отклонения.

– Разумеется.

– К запуску!

Вайдеман включил кнопку подачи топлива в горючие камеры двигателей. Через несколько секунд загорелись лампы – сигнализаторы. Зарокотал бензиновый моторчик – ридель, раскручивающий турбины. Глухо заверещали лопатки компрессоров.

Альберт включил зажигание. «Штурмфогель» вздрогнул. Оглушил резкий, свистящий рев. Машина, удерживаясь на тормозах, присела, как бегун перед выстрелом стартера. На приборной доске ожили стрелки.

Вайдеман протянул руку к тумблерам, щелкнул переключателями, проверяя приборы, еще раз окинул взглядом свою тесную кабину... «Кроме всего, что ты знаешь, нужна еще удача», – подумал он и нажал кнопку передатчика.

– Я «Штурмфогель», прошу взлет.

– Взлет разрешается. Ветер западный три метра в секунду, давление семьсот шестьдесят...

Привычное сообщение Зандлера успокоило пилота. Вайдеман отпустил тормоза, двинул ручку подачи топлива впе-

ред. Двигатели взвыли еще сильнее, но не увеличили тяги. Ручка уже уперлась в передний ограничитель, вой превратился в визг.

Наконец истребитель медленно тронулся с места. Компрессоры на полных оборотах, температура газов за турбинами максимальная... Но самолет нехотя набирает скорость. Вайдеману не хватает рева винта, упруго врезающегося в воздух, тряски мотора, в которой чувствуется мощь. На поршневом истребителе Вайдеман давно был бы в воздухе, но этот «Штурмфогель» уже пробежал больше половины взлетной полосы, раскачиваясь, вздрагивая и не выказывая никакого желания взлететь.

Вайдеман торопливо потянул ручку на себя. Нос самолета приподнялся, но встречный поток не в силах был подхватить тяжелую машину с ее короткими, острыми крыльями. Уже близок конец полосы, виден редкий кустарник, за ним — ореховый лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.